

Зюзя. книга первая

18+

Вагит Булаев

Вадим Булаев

Зюзя. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Булаев В. В.

Зюзя. Книга первая / В. В. Булаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Здесь нет ни геройских героев, ни злодейских злодеев. Есть лишь человек и собака, идущие по практически пустому миру.

© Булаев В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	18
Глава третья	26
Глава четвёртая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог

Странно всё началось. Сначала состоялся так давно ожидаемый КОНТАКТ. Без приготовлений, сигналов и какой-либо мишуры в один прекрасный день прилетели ОНИ. Тихие, спокойные, мало похожие на нас существа просто сообщили людям, что теперь всё будет иначе. Что теперь у животных ровно столько же прав, как и у нас, и что убивать без крайней необходимости или кушать их от сего дня нехорошо. А потом улетели.

Если честно, никто ничего сначала не понял. На ток-шоу по всем каналам многоумные эксперты мусолили красивыми словами одну простую мысль: «Шо это было?» Правительства практически всех стран вещали о неких договоренностях о долговременном сотрудничестве с пришельцами, которых им удалось добиться. Много было пустословия. Но вышло всё куда как хуже.

Еще некоторое время жизнь продолжала течь своим чередом. Люди шли на работу и с работы домой, праздновали, горевали, рождались и умирали. Ну прилетели неизвестные из космоса, ну и толку от этого? Ничего же не поменялось, разве что вышло несколько красивых кинокартин с мировыми знаменитостями в главных ролях да интернет на пару недель взорвался постами и мемами на тему иномирян. Но изменения произошли, да еще какие.

По неизвестным никому причинам пришельцы дали животным РАЗУМ. Не поголовно, но многим – собакам, волкам, коровам и прочим четвероногим. Всем, кто смог принять этот дар в силу своего эволюционного развития. Зайцы, кроты или, к примеру, суслики всякие, не смогли – видимо, уровень интеллекта в их мозгах оказался слишком примитивен для этого. Так и живут по-прежнему, как и раньше, аж завидно...

Может ещё кому что перепало от щедрот космических – я не знаю. Но дело не в этом – не случилось с ними, получившими разум, контакта; не произошло единения. Их новообретённый рассудок был за гранью добра и зла; они мыслили совершенно другими категориями – мы им были не враги, нет. Помехой. Досадной, обнаглевшей и провонявшей запахами цивилизации помехой.

Сначала исчезли крысы. На это никто не обратил внимания, кроме биологов да санэпидслужбы. Не самые нужные человечеству звери, чего расстраиваться? Вышло несколько статей на профильных сайтах, кто-то из ученого люда оперативно подсуетился и написал на злободневную тему докторскую или кандидатскую. Наверняка ещё и гранты западные освоили под это дело.

А потом они вернулись. Ты хоть раз видел стаю крыс на охоте? Расскажу, мне не сложно. Это не движущаяся серая и пищущая масса, стремящаяся всё сожрать на своем пути. Это крысёнок. Один небольшой крысёнок. Он осматривается, принюхивается, стараясь не попадаться на глаза. Потом он уйдёт. А ночью тихо придет стая. Бесшумно. По разведанным мальцом днём лазам и отноркам, а кое-где и по шершавому бетону стены попадет к вам в дом. Матёрые крысюки лихо вскроют спокойно спящим сонную артерию, и стая насытится. Криков не будет, живых не будет, никто не услышит, не поможет и не помешает трапезе. Утром они все уже будут у себя в гнезде, сытые и счастливые. По первому времени сколько так семей повырезали – до сих пор никто не знает. Но вонь от останков в каждом подъезде была. Это потом все поумнели – и окна позакладывали, и канализацию замуровали, и вентканалы защитили. А тогда кто знал?

За крысами исчезли бродячие собаки и кошки. Просто ушли в леса и поля, и до времени затихли, как мы, горожане, думали. Заблуждались, распад начался именно с них. Сначала животные понемногу стали убивать грибников, рыбаков, и прочих мирных любителей природы. Потом дело дошло и до охотников. Тут преуспели коты. Понимая, что просто так нападать на вооруженного человека глупо, бывшие мурлыки освоили в совершенстве искусство

прыгать с деревьев и выцарапывать глаза. Причём если человек был не один, то прыгали на всех одновременно. Затем их добивали собаки. Да, с появлением разума вечная вражда кошачьих с собачьими прекратилась и дала вот такие результаты. Думаешь, вру? Осмотрись вокруг. Видишь, вон мёртвый посёлок, есть и мёртвые города. А ещё десять лет назад ты в такое бы не поверил, сумасшедшим меня посчитал. Но слушай дальше, это была всего лишь прелюдия.

Мы, люди, оказались глупы, тупы и слепы. Не знаю, можно ли было это остановить, но мы даже не попробовали. Все делали вид, будто бы всё отлично, изо всех сил имитируя привычный жизненный ритм и уклад. А тем временем начали исчезать маленькие деревни. Их вырезали тихо и без суеты. Причем в подавляющем большинстве домашние животные присоединялись к напавшим стаям. Редко когда просидевший весь свой собачий век на цепи и умудрённый жизнью пес бросался на защиту. Хотя и такое бывало. Тогда его убивали вместе с хозяевами, но никогда не употребляли в пищу. Я долго об этом размышлял и чётко понял, что для многих наших питомцев мы были откровенным дерьмом. При этом даже без нападений, по своей воле те же коровы просто от хозяев уходили в поля; свиньи, вырвавшись из хлева, носились по опустевшим дворам и с упоением крушили всё, до чего могли дотянуться. Животноводство закончилось, мясо и молоко исчезли с прилавков.

Затем пропала связь на периферии. Любые коммуникации когда-нибудь начинают нуждаться в профилактике и мелкой починке. Посланные ремонтники и обслуживающий персонал не возвращались, на дорогах стало смертельно опасно останавливаться. Началась большая охота. Звери уже были на окраинах мегаполисов. К собакам, котам присоединились лесные хищники. Их было много. Даже не думал, что вокруг столько зверья. И поделаться мы ничего не могли. Нападения среди дня стали обыденностью. Начались бунты, появлялись отряды самообороны. Но, как ни крути, это была лишь агония. Ну сам подумай – сколько может быть огнестрельного оружия в жилой многоэтажке? Одна, две, от силы три единицы. А людей? Вот то-то и оно. И каждый владелец своего оружия защищал прежде всего свою семью, на остальных плевать. Да, про крыс не забывай, они к этому времени осатанели от безнаказанности. Власти от большого ума ввели военное положение, катались солдатики на броне, но толку? Пока в столице рассуждали на тему о том, стоит ли раздать населению хоть какое-то оружие или, на всякий случай, ограничиться озабоченностью и парой новых законов – наступила полная ж...

Предприятия переставали работать, инфляция во всю пожирала имеющиеся у граждан накопления, вечные перебои со светом и топливом парализовали городскую инфраструктуру. Между тем твари резвились на улицах во всю, уже особо никого не стеснясь. Не вернуться домой, выйдя из квартиры, стало обычным делом. Население, подогреваемое неясностью своего положения, начало открыто демонстрировать недовольство. Сначала более или менее мирно, потом наступили массовые беспорядки. Ответка от слуг народных пришла незамедлительно. Полиция стала стрелять на поражение без всяких предупреждений, ввели военно-полевые суды по принципу сталинских троек, регулярно для разгона непонятливых привлекали военных.

Об армии нужно вообще говорить отдельно. Вот вроде бы и много было в стране военнослужащих, куча всяких суперсовременных железяк для убийства наделано, ан нет. Казалось, всё просто – оцепи военные города, протрави напалмом или ещё чем окрестные леса, красиво с вертолетов расстреляй стаи четвероногих в пределах видимости. Ура, ура и победим! Ну или прогоним куда подальше. Но это в теории. На практике войска быстренько отправили на усиленную охрану стратегических объектов, под определение которых попали и закрытые посёлки с «элитой» как центральной, так и на периферии. Именно служивые, прикрываясь военным положением и оружием, пока нас твари жрали, под руководством всевозможных уполномоченных из высоких кабинетов деловито и организованно вывозили по заранее организованным убежищам все необходимые для выживания товарно-материальные ценности. В городах оставили контингент так, по мелочи, чтобы народ под ногами не путался.

И самое дно ситуации в том, что это всё был не бардак, не грабировка, а геноцид человечества. От нас зачищали планету и именно с нашей помощью у них почти получилось. Ни один зверь не убивает просто так. Но это случилось. Они поедали человечину конечно, но в основном мертвые гнили на улицах среди обожравшихся тварей. Да, тварей. Слово животные сейчас это воспоминание о милых домашних котиках, собачках с мячиком и потерянным нами мире. А мы в это время или прятались, или как хомяки макароны запасали. Надеялись, что пронесёт.

Знала верхушка страны, всё знала. И самоустранилась настолько талантливо, что невольно диву дашься. Именно когда началось неизбежное массовое дезертирство солдат срочной службы и повальный беспредел всяких вооружённых людей, она пропала. По телевизору и радио, в редкие часы подачи электричества, ещё неслись brave репортажи о накосах и удоях, однако в них мастерски обходили темы с прямым участием правительства. Только общими словами говорили – мол работают, ночей не спят, о родине думают.

А затем иномиряне снова напомнили о себе. В один момент на планете умерла вся электроника. Все компьютеры, современные автомобили, датчики, да вообще всё стало кусками железа и пластмассы с ненужной начинкой. Про самолёты в воздухе, корабли, потерявшие управление фуры на трассах – лучше вообще не говорить. Человечество мгновенно оказалось в каменном веке.

Даже после этого оружие населению так никто и не раздал. Побоялись, уроды... Когда народ опомнился от законопослушания и кинулся по военным складам и всевозможным оружейкам, то увидел лишь пустое место. Ни-че-го. Эти властолюбивые умники, чтобы обезопасить себя от возможных осложнений в будущем, удумали интересную штуку. Что могли, выводили составами по железной дороге к морю или крупным рекам, перегружали на баржи и топили, что не смогли – или взрывали, или выводили из строя, или перепрыгивали так, что не вдруг найдёшь. Понятное дело, к рукам исполнителей много чего прилипло, но по нынешним временам кто же признается в таком богатстве? Это теперь попадает под категорию личное, можно даже сказать – интимное. Для себя, любимого, хранится. Как залог спокойствия и безопасности. Нет, не всё так грустно, конечно. Найти автомат в более или менее нормальном состоянии можно при небольшом желании, вот только что с ним делать? Большой боезапас на себе долго не поносишь, а патроны на улице не валяются. Вот поэтому я и пользуюсь охотничьим ружьишком. Практически в каждой деревне охотники были, так что с порохом, пулелейками и иным припасом проблем нет. Научился старые латунные гильзы снаряжать, не великая наука. Но даже это делаю не часто, как правило несколько упаковок с дробью и картечью удастся найти регулярно.

Когда-то я читал книгу про жизнь людей после ядерной войны. Так там, по ходу сюжета, герои использовали для оплаты всяких бытовых покупок патроны. Ну вроде как эквивалент денег. Сейчас вспоминаю всю эту наивность и смеюсь. Ну не понятно мне, как можно верить в патрон, который до тебя побывал в неизвестно скольких руках? А если в нужный момент не выстрелит, что тогда? Претензию пойдёшь высказывать, в письменном виде в трёх экземплярах на мягкой бумаге? Ну-ну... Но даже не это веселит меня – я не понимаю, как можно продать патрон не пойми кому вот так, запросто, как колбасу. Он ведь очень легко обратно может вернуться. Не весь, конечно, только пуля, но горе-продавцу и этого хватит. Проще говоря, твоим боеприпасом тебя и пристрелят, а потому всё барахло заберут на долгую память, причём совершенно бесплатно. Так что люди, намутившие тогда свой стратегический запасец, ни за что его без крайней нужды не засветят.

А, отвлекся я. Ты меня одёргивай, если начну мыслью растекаться. Так вот, власти нет, оружия нет, паника. Как следствие, повыскакивали секты, банды, эпидемия, мародерство и повальный беспредел – представь сам, вон какая у тебя голова большая. Умная, наверное... Чего скрывать, страшное время наступило. Люди ещё мягкотелые в своей массе были, а обстановка требовала немедленных решений, жёстких.

Ну так вот, с эпидемией интересно получилось. Ученые в конце концов выпустили какой-то тайный и секретный вирус, который должен был животных вытравить, а людей нет. Но фигня вышла, всё пошло через одно место. Поумирали как звери, так и люди. И таких неудачников, я думаю, процентов девяносто девять с весьма приличными десятыми на этой грёбаной планете. Планета Кладбище она стала, а не Земля. Выжить смогли только те, кто по разным причинам оказался в очень длительной изоляции от мира. Ты удивляешься, почему я так спокойно об этом говорю? Не знаю... Привык, наверное.

Мы, люди, развалили себя сами. Говорят, первый форт построили на месте старого аэродрома где-то в под Владимиром только через год после того, как чудом оставшиеся в живых стали разбегаться из городов и создавать подобие общин. Им, наивным, казалось, что в деревне отсидеться можно. А деревень – то уже и нет. И есть нечего. Огородничеством на свежем воздухе заниматься смертельно опасно – сожрать могут, да и семенам свежим откуда взяться? Спасли старые запасы в мёртвых домах – крупы там всякие, сахар. Прибавь к этому, что из городских в принципе редко кто понимал, как печь правильно растопить и дрова нарубить. Все же креативные, амбициозные, полные свежих идей, а тут такое... Вот так народ и закалялся, через не могу и собственные ошибки. Не сразу, постепенно поняли, что выживут только те, кто сбивается в относительно крупные группы и имеет хоть какое-то оружие. Твари ведь не делись никуда. Да, их стало в десятки, если не сотни, раз меньше, но они всегда рядом, неподалёку. И если хочешь жить и дальше, то нужна постоянная защита, присмотр друг за другом.

Знаешь, я тебе это сейчас рассказываю, а складывается ощущение, что у доски отвечаю учителю тему «Образование родоплеменного строя» из учебника «История древнего мира» за 5 класс. Даже смешно стало... И жутко до одури.

Ты спрашиваешь, откуда мне всё это известно? Так частично видел, частично слышал, от основного убежал. Мне вообще жутко повезло. Я в столице трудился, гастарбайтером. С утра до ночи на работе, вечером пришел и спать без снов в вагончике. Ни телека, ни радио, ни газет. Упадешься так, что кажется, будто ложка тонну весит. Ничего не интересовало, кроме зарплаты. И вот в одно прекрасное утро в соседней бытовке нашли восемнадцать человек, всех обглоданных крысочками. Ну, полиция приехала, сразу приступили к розыску убийц – проверили у нас регистрацию и разрешение на работу, а потом увезли к себе в отдел. У меня документы в порядке были, потому дань платить не стал, да и нечем. Я заработок родне переводил сразу, как получал. Себе крохи оставлял, чтобы соблазна тратить не было.

В общем, посидел у полиции в гостях, поскучал ночку, а на следующий день был изгнан на свежий воздух, только вот паспорт мой при этом вернуть забыли. Очень рекомендовали им штраф уплатить в частном порядке. Как я уже говорил, наличности у меня не было и до зарплаты не предвиделось, так что поплёлся обратно на стройку, у прораба кланяться в долг. Прихожу – а там все работяги стоят в ряд, вдоль них бегают какой-то вояка в чине подполковника и смутно знакомый мужик в дорогом костюме. Потом вспомнил его – директор всей этой стройки, видел пару раз издали. Так вот, некоторых вызывают и предлагают в стороне постоять. Увидели меня – сразу спросили гражданство и документы. Пришлось честно рассказать о местонахождении моего паспорта. К удивлению, подпол кому-то сразу позвонил и через двадцать минут хмурый полицейский сержант вручил мне отобранное. Я такое в первый раз видел – чтобы вояка смог нагнуть так быстро не подведомственного ему силовика. Затем отобранных строителей, включая меня, посадили в автобус, и военный весьма вежливо разъяснил, что все мы в добровольно-принудительном порядке дружно подписываем контракты с дочерней от министерства обороны фирмой, после чего бодро едем строить военный объект куда-то под Вологду. Надо признать, что контракты были весьма приличные и с достойной зарплатой для таких бесправных существ, как мы. Не обманули, и деньги с начала платили, и кормили хорошо. Но это я вперед забежал.

Всего ехало около сорока человек. Все друг друга знали, так что не боялись, да и мобильные никто не требовал сдать. Военные нас отбирали по принципу: славянин, паспорт в порядке, разрешение на работу имеется – молодец, годен. Азиатов не было.

В Вологде одного каменщика высадили, объявив, что не прошёл спецпроверку. Наверное, из-за судимостей не взяли. Он нам как-то рассказывал о своих похождениях и что за них ему было. И вот тут я приуныл. Куда же нас везут, на какой засекреченный объект, если в течение дня ухитрились всю подноготную нашу выведать? Мы же из бывших братских республик все, не местные. Выберемся ли? Или в конце зачистят, чтобы лишнего не болтали?

Как я потом понял, никто зла нам не желал. Просто действительно нужны были строители, своих не хватало и в верхах приняли решение привлечь гастарбайтеров. А чтобы не хватать первых попавшихся – ввели определенные критерии. Да и спецпроверка – у спецслужб все данные на граждан сопредельных государств давно скопированы и рассортированы.

Так вот, привезли нас куда-то в глухие леса. Даже смутно не предполагал где мы. Там оказалась странная военная часть. Солдат почти не было, всё больше прапорщики да офицеры. Два взвода спецназа, несколько радиолокационных станций и ещё какие-то хитрые антенны, спрятанные в деревьях. Строили мы боксы для техники и ни в чём не знали отказа. Чтобы стройматериалы не подвезли или задержали – и не упомяну. Всё как часы работало, до сих пор приятно вспоминать. Кормили трижды в день – не слишком вкусно, но сытно. В жилом помещении (ещё одна странность – казарм не было, все военные жили в маленьких двухэтажных домиках, а холостые в весьма комфортабельном общежитии) переделанном под нас из пустующего актового зала, был телевизор, по которому мы по вечерам узнавали новости. Именно тогда я узнал о протестах и волнениях в городах. Четыре с лишним месяца длилась эта относительно спокойная жизнь, а потом всех нас, и рабочих, и военных с семьями, неожиданно перевели на закрытую территорию. Был там такой огороженный по всем правилам военной науки периметр с вышками, заборами в четыре метра, контрольно-следовой полосой и ещё Бог знает чем. В тот же день привезли детей – их насильно собрали по окрестным деревням, так что ор со слезами стоял ещё тот. Вечером к нам вышел командир части, полковник Коробов. Духовитый человек. Если бы не он, никто бы не выжил. Точно тебе говорю.

Он нам и рассказал о выпущенном боевом вирусе, о том, что творится в мире. По его приказу всем запретили выходить за периметр, было введено военное положение. Успокоил – с продуктами проблем не ожидается, от голода не умрём. Под землёй оказались склады НЗ с запасом лет эдак на тысячу. Вода, канализация, автономное освещение – всё работало без сбоев. Сложилось впечатление, что Коробов ждал чего-то подобного и готовился. Слишком переселение гладко прошло, отлаженно, что ли... И по нам решение явно принял заранее.

Как только объявили о запрете покидать территорию, мужики забузили. У всех есть родня, все переживают, волнуются. Мобильная связь не работает. В общем, бунт среди нас начался. Не дрогнув ни единым мускулом, полковник согласился с требованием предоставить с утра транспорт желающим покинуть часть и даже согласился дать продукты в дорогу. Удовлетворённые, мы все пошли спать в бомбоубежище, которое нам отвели как временное жильё и уже (когда только успели) оборудованное кроватями. А утром – фигушки! Двери оказались заперты снаружи. В углу сложены ящики с харчами и записка, что никто никуда не едет и куковать нам тут до особого распоряжения. Что я пережил за полтора месяца взаперти – страшно вспомнить. До драк с убийствами чудом не дошло, но двое умом тронулись. Бесило всё. Койка, окружающие меня люди, я сам. И только раз в день по громкоговорителю звучали новости. Нам методично зачитывали все радиোগраммы и прочие сообщения, касающиеся обстановки в окружающем мире. Вот оттуда я и узнавал обо всём. Не верил поначалу. Совсем не верил. Однако постепенно проникся, обдумывал услышанное, вспоминал, что видел своими глазами. И не я один. Мужики понемногу успокаивались, впадая в депрессию. Ну сам подумай – в тече-

ние полутора месяцев в запертом, провонявшем потом помещении слушать о смерти мира, в котором живет твоя семья. Тут бы руки на себя не наложить...

И, наконец, нас выпустили. К нам опять обратился Коробов и попросил по человечески его понять. Мы бы по-другому не выжили – тут я с ним согласен. Да и знал полковник больше, чем говорил. Думаю, он там руководил каким-то секретным узлом связи и общался напрямую с другими подобными узлами и с правительством в том числе. Знаю, что с Новосибирском контактировал постоянно – от них, наверное, и узнал про особенности вируса. Эту всю боевую погань, как правило, в тех краях разрабатывали. Тогда же, очень спокойным голосом, он и рассказал, что ждет нас шесть лет карантина, что до ближайшей жилой деревни никто не знает сколько, потому что связи в стране фактически нет. Слушали мы его вяло – сломал он нас, добился своего. Так мы стали рабами. Нет, в слух это слово никто не произносил. Ну а как ещё назвать людей, которые работают за еду, живут взаперти и передвигаются только под усиленной охраной? Постоянные обыски, регулярное повышение нормы выработки; говорить можно было только в бомбоубежище, где мы жили или по разрешению часового. На нас лежало фактически стопроцентное обеспечение жизнедеятельности базы – чистка сливных коллекторов, всевозможные хозяйственные работы, обеспечение дровами мини-котельной. Вдобавок летом под автоматами мы возделывали поля, зимой валили лес. Семь лет жизни в таком ритме прошло. И не было ни одного дня, когда бы я не задумывался о побеге. Вот только бежать куда? Оружия нет, вокруг лес со снующим диким зверьем. На первом году пребывания дважды нападали твари по лету – четверых наших порвали наглухо, охрана оба раза еле отбилась. Как ни крути, однако повеситься проще и гуманнее по отношению к себе. Некоторые так и делали. За это время от приехавшей сюда строительной бригады осталось двадцать два человека.

Ещё и детки подросли. Те самые, которых мудрый Коробов по деревням позабирал. Спасти хотел, зная о том, что со дня на день произойдет. Вот только воспитали их гнусно – в глубокой уверенности в том, что они воины, а все остальные дерьмо и добыча. Спецназовцы постарались. Они вообще под себя потихоньку всё подминали. Полковник это видел, однако поделать ничего не мог. Так и ждали, когда переворот будет. Повода ждали.

Не знаю, специально или по дури, но один из бывших деревенских малолеток, семнадцатилетний двухметровый кабан-переросток, проходя у ворот, просто так ударил в висок тихого и худосочного Андрея из Винницы, чистившего двор. Ударил при всех, при охране, полковнике, прочих. А потом ещё и помочился на лежавшего в обмороке человека. И улыбался, радостно гыгыкая. Он же воин, ему можно по праву сильного. Разбора этого происшествия мы не увидели. Нас быстренько загнали обратно, заставив забрать с собой Андрея – медик даже не подошёл. А ночью пришёл Коробов. Он вывел остатки бригады за периметр и сказал: «Валите. Оружие в пятистах метрах по дороге». Никто со стен не поднял тревогу, не выстрелил в спину нам. Думаю, полковник тогда сильно рисковал, отпуская нас. Власть его над остальными вояками была более чем сомнительная к тому времени. Спасибо ему за это. Ну это я сейчас так говорю, а тогда я его ненавидел, сильно ненавидел... В общем, свалили мы с той базы, чтобы ей пусто было...

Ты не понимаешь, почему я о полковнике хорошо отзываюсь? Попробуй осознать – он делал всё, чтобы вверенные ему люди выжили. Как умел. Я видел много плохого от него. В ту ночь, когда мы стали свободными, каждый из нас был бы счастлив пустить ему кровушку, возможности просто не представилось. Но благодаря ему я жив. Если бы у нас тогда, в самом начале, получилось всё-таки ломануться на родину – смерть была бы неизбежна. Сколько по дорогам останков таких же умников валяется – не счесть. И именно из-за Коробова все эти эпидемии, разборки, грабежи и всякое нехорошее, творившийся в первые годы после заражения – всё прошло мимо меня. До сих пор живой, хотя ненавидеть не перестал. Сумбурно объясняю, ты уж прости, тут больше эмоции, чем здравый смысл.

Странное чувство – свобода. Это одновременно весь мир и ничего. Как сейчас помню – нашли мы в кустах оружие, что подарил нам наш теперь уже бывший хозяин, и стоим дураки дураками. Вот хочется бежать, прыгать, воздух пьянит! И одновременно понимаешь, что совсем никакой конкретики нет. Куда бежать? Где мы вообще находимся? Что в мире делается? Да и страшно стало – срослись мы с этим местом.

Ладно, отбросим лирику. Да что же меня все куда-то заносит не туда! Задолбал я тебя, наверно, своей тонкой душевной организацией?! Молчишь, интересно? Ну, слушай тогда дальше, если не устал от моей болтовни.

В общем, выбрались мы к людям. Не скажу, что сразу, однако дошли. По дороге еще семерых потеряли. Не поверишь, но твари тут ни при чём! Видели мы и их следы, и вой ночью слышали. Но не пересеклись ни разу. Повезло, чего тут рассуждать. Двое грибов с голодухи нажрались, да ещё сырых, быстро умерли. Один ногу порвал о ржавую железяку, когда в пустом поселке шарили по домам. Заражение крови у бедолаги пошло, тоже не спасли. Четверых же из засады кто-то метко из винтовки уложил, даже понять ничего не успели. Сами балбесы – кучно перли, стадом. Ну кто ж знал! Пока прятались, пока стрелка искали, его уже и след простыл. Думается мне, что на еду их подстрелили. Места там лесные, но по нынешним временам особо в них не поохотишься. А тут мы – мишени этакие, смело прём по дорожке! И как всё верно рассчитано! Понимал охотник, что не потащим мы мертвяков с собой, там оставим. Да и слышал я потом неоднократно о таком вот способе добычи мяса насущного.

Когда выбрались к форту, что на Рыбинском водохранилище отстроился, от счастья плакали. Приняли местные нас хорошо, обогрели, откормили чем смогли. Спасибо этим людям, от чистого сердца спасибо. Мы, как умели, старались отработать и еду и кров. Подправили несколько домишек, обновили общественные строения, ну и так, всякое по хозяйству... К сожалению, здоровье я подорвал на той военной базе сильно и ухитрился в августе свалиться с воспалением лёгких. Пока суть да дело, наступила осень, а когда полностью очухался – выпал первый снежок. Да, долго болел. Так и больницы по близости не было, и из медперсонала один фельдшер с подорожником и зверобоем. Выздоровливал естественным путем, так сказать. В общем, зимовать кроме меня еще двое остались, остальные в конце лета дальше пошли. Больше я о своих товарищах ничего не слышал, однако не перестаю надеяться, что хоть кому-то из них улыбнулась удача.

Два года. Именно столько я там прожил. Сошёлся с женщиной – хорошей, хозяйственной. Не по любви, а скорее по уму, ну и взаимной симпатии. Как обычно сходятся двое взрослых, умудрённых жизнью людей, боящихся одиночества. Крепкий получился союз, вот только деток не было. Наверное, в моем случае это даже хорошо. Не смог я там жить, не устраивало меня горбатиться по теплу в полях, а по зиме безвылазно сидеть у печи и вглядываться в огонь. И так светило обывательствовать год за годом, без особых вариантов. Одноклеточное существование. Понимаешь, росло во мне с каждым прожитым днём какое-то беспокойство, тяга к движению. Я долго думал, как выразить, объяснить самому себе это непонятное чувство. И понял – домой хочу, на родину. Знаю, что похож на полного идиота. Знаю и о том, что шансы дойти мизерные и ещё меньше застать живыми родных, но по-другому не могу. Надо мне туда, очень надо...

Поначалу долго мимохожих купцов выспрашивал про тварей на дорогах – как один божились, что мор повыбил их, не видно почти. Вот тогда и осмелился – собрался, попрощался и рванул в неизвестность.

Понимаю, что у тебя полно вопросов, но у меня нет всех ответов. Одно скажу – безумно рад только одному – ядерная война не началась. Хотя и без нее катаклизмов хватило. Пожиже, помельче, зато полной ложкой. Нет больше промышленности с наукой, тёплых сортиров, да ничего вообще нет, и особенно веры в людей. В один момент вместо того, чтобы объединиться и попытаться хоть что-то сделать, все всё бросили и побежали спасаться да ролики для интернета снимать. Потешно, да.... А теперь как возродить? Умирает цивилизация, библиотеки на

растопку с подтирками пускает. И ведь не осудишь – особого выбора нет, выжить бы. Конечно, ты прав, в некоторых фортах есть и мастерские, и больницы, и даже свет – но только в фортах. А туда ещё попробуй попади! Да и ненадолго это, дичаем-с.

Ладно, не нервничай. Как нас учит история, человеки такая гадость, что при любых раскладах если не подошли, то выкрутятся обязательно. Так что покоптим ещё небушко, потопчем землю, главное не сдаваться! Не веришь? А ты верь! Обязательно верь, иначе всё зря. В общем, держись, ушастый. Всего тебе....

Глава первая

Я помахал зайцу рукой и вышел из гаража. Кто-то подумает, что я псих – с зайцами разговариваю, и будет отчасти прав. Четыре месяца я в дороге. Месяц уже ни одного нового лица. Да что там, вообще без лиц. Лишь иногда глаз из бойницы форта или фортика мигнёт перед тем, как в ответ на моё «здрасссьте» матом обложат. Но это редко. Всего два раза. В остальных трех поселениях и говорить не стали, на подходах сразу послали куда подальше, да ещё пристрелить обещали. Не стал проверять – врут или нет. Убежал. Спасибо, что патроны сэкономили. А мне давно жутко хотелось пообщаться со случайным знакомым, как в прошлой жизни. Как в поезде. Помните? Встретились в одном купе, выговорились, а утром разошлись жить дальше. И я его нашёл в заброшенном гаражном кооперативе, где стал на ночёвку. Заяц. Огромный, плюшевый, розовый. С большими глазами и застывшей улыбкой, от которой сразу стало светлее, как в песне. Не молодой, выдавший виды и порядком грязный. Скорее всего он тут остался случайно – застрял по пути от дома к свалке. Знаете, раньше часто ненужную вещь, прежде чем выкинуть, несли в гараж – традиция такая была. Вроде бы как она там лежала на всякий случай некоторое время. Потом всё равно на свалку попадала. Но этот мягкий товарищ ухитрился остаться. Вот и болтал я с ним о разном, отводил в общении душу, и неожиданно позавидовал плюшевому. Сколько всего случилось, а он сидит в тут безвылазно и не знает ничего. Всё мимо пронеслось. Вот тогда воспоминания и нахлынули...

Пробежался взглядом по снаряжению – вроде бы ничего не забыл. Мешок, арбалет, ружьё, фляга с котелком, нож, куртка в скатке – всё на месте. Всегда перед выходом проверяюсь, есть такой пунктик. Раньше вот утюг и печку проверял на предмет отключения перед уходом на работу, теперь шмотки с оружием. Итак, пошагали...

Посёлок был безликий, как и тысячи других посёлков. В центре несколько непонятно зачем построенных пятиэтажек с гаражами, где и я ночевал, а вокруг немаленький частный сектор. Людей тут нет, тварям делать нечего. Вышел на маленькую площадь, отыскал взглядом местный торговый центр, бывший ранее Домом Колхозника или Дворцом Культуры, и пошел прибархлаться. В таких местах много полезного можно найти. К примеру ткань для портянок. Не всегда получается постирать, а таскать вонючую тряпку не хочется – я лично вообще их выкидываю, если нет возможности привести вещи в порядок. Или рыболовная леска. Ценнейшая штука. И удочку сделать без неё никак, и силки поставить. Но это из крепкой только.

Зашёл внутрь. В отделе бытовой техники пусто, кучи мусора. В продуктовом такая же картина. Повсюду запустение, серые потёки неизвестных субстанций по стенам. Любая деталь отделки, хоть немного блестящая и ценная, оторвана и вынесена неизвестно куда; на полу следы от костра. Я поискал глазами отдел с одеждой и постельным бельём. Ага, вот он. Тоже ничего нового внутри – остатки вещей традиционно свалены в кучу и основательно замызганы. Причём могу поспорить – в куче только женские халатики из синтетического шёлка, и всякая, ненужная даже в то, спокойное, время, декоративная мишура вроде газовых шарфиков. Остальное, более или менее ценное, давно вывезено хозяйственными крестьянами и тщательно сложено в огромные стопки. Даже в разгар мора эти странные люди, не отвлекаясь ни на что, методично тянули всё, что плохо лежит, в любимые сараи и погреба. Доводилось находить дома, в которых комнаты, кладовые, любые хоть немного свободные помещения до самого потолка были забиты всевозможными благами умершей цивилизации. Жадность безразмерна и безмозгла, что тут ещё сказать.

Осмотрел на удачу подсобку – там тоже не нашёл ничего ценного. Облом вышел. Ну ладно, не страшно. Зайду за тряпками в какую-нибудь квартиру или дом и выберу себе что нужно. Мне уже давно не стыдно и не отвратительно обирать мёртвых и пользоваться их вещами. Привык. И даже благодарен им. Консервация, найденная в кладовках и погребах, спа-

сала от голода не раз. Да и где сейчас ещё варенье найти или маринованные помидоры? Спасибо нашим женщинам, которые из года в год закатывали овощи с ягодами в гигантских масштабах. Без их запасов выживать было бы гораздо труднее.

Так, отдел охоты и рыбалки. Тут повезло. В почти пустом помещении, традиционно замусоренном, обнаружили три коробочки с рыболовными крючками. Небольшие, но мне и такие сойдут. Для обмена или оплаты. Встречусь же я рано или поздно с людьми, которые захотят со мной поговорить! Слово за слово, поторгую, а там, глядишь, и общие моменты найдутся. Или к каравану через взятку прибьюсь – да, сейчас так, без рекомендаций даже в носильщики не попадёшь; или постой оплачу. Обрадованный, я закинул находку в заплечный мешок и пошел к выходу. В углу перед самым выходом была еще дверь. Почему нет? Проверю, что там. Оказалось, что это зоотовары с поправкой на сельскую жизнь. По оставшимся, выцветшим ценникам на пустых полках стало понятно, что основной ассортимент магазинчика представляли собой комбикорма всех видов и подкормки для птицы. И лишь в углу сиротливо стоял стеллаж, на котором были пыльные поводки, корма для рыбок, вискас... Ура!!!! Вискас!!!! Он вкусный! Повезло-то как! Кошачьему и собачьему питанию сейчас цены нет. Лёгкое, питательное, не портится. Но кошачье при этом в разы вкуснее. Это не подванивающие костной мукой всякие Педигри, которые разбухают только в желудке и которые без большого количества воды в себя не засунешь. Это для котов делалось. А эти паразиты в то время жрали лишь первоклассную еду, остальным брезговать изволили.

Не веря собственному счастью, я начал сгребать с полок кошачий харч в свой мешок. Ого! Тут, в уголке, бонусом стоит три некрупных упаковки собачьего корма! Мне этого недели на две, если экономно пользоваться! Я не привередливый, проглочу. Плевать на вес – такая ноша не тянет, а радует. Можно будет какое-то время не охотиться и не мародёрить по пустому жилью. Если в аптеке местной так же повезёт найти хоть что-то полезное – спляшу! Честное, благородное слово, спляшу! Но это я уже совсем зарвался. Не бывает столько счастья сразу – и еда, и аптека с лекарствами.

Завязав покрупневший мешок и уже предвкушая питательный завтрак, собрался было идти к выходу, как вдруг у меня за спиной прозвучало:

– *Дай!*

Я застыл. Наверное, надо было красиво прыгнуть в сторону и полёте метко выстрелить на звук. Потом небрежно встать, с превосходством глядя на поверженного врага, и, задумчиво глядя вдаль, свалить в закат. Но я так не умею. И не знаю никого, кто мог бы такое исполнить. Ну разве что кроме героев канувшего в лету Голливуда. Потому мне, как совсем не герою, пришлось подчиниться.

Сказать, что было страшно – значит ничего не сказать. Это был Ужас именно с большой буквы. В наше время человек человеку волк, хоть эта поговорка и несколько потеряла свой первоначальный смысл. Стою тут, радоваться собрался, с кормом, крючками, ещё и в приличных сапогах. Как есть кретин. Сейчас убивают и за меньшее, чем жратва и обувь. Да просто так убивают, чего перед собой миндальничать. На всякий случай могут вальнуть, чтобы воздух не портил и не шлялся где не надо. А оружие у меня, у дебилушки тупохряпой, за спиной.

– *Дай!*

Не поворачиваясь, чтобы не спровоцировать говорящего, я медленно отпустил вещмешок на пол. Странно. Ни тебе «Руки в гору», ни «Оружие на пол, руки за голову, на колени». И что делать? Чего давать? Да и голос откровенно странный, он словно сразу в голове раздавался, минуя уши, и был какой-то... механический, что ли. Вот как будто компьютер читает. Вроде бы все слова правильно произносит, а жизни в голосе нет. А, была не была...

– Что тебе нужно? Что дать?

– *Еда. Дай. Мне.*

Очень медленно присев, я начал доставать только что добытое питание из мешка. Жалко корм было до слёз, а что делать? Теперь от голода не подохну, попросту не успею. В то, что удастся уйти живым, не верилось. Вот-вот получу удар прикладом в затылок. А почему нет? Общечеловековых моралей в наши дни не найти, а поэтому раз на тебе есть мясо – значит ты продукт питания. Консервы на ножках. Что же так глупо всё? И в бога я не верю, и молитв не знаю. Вот чем страх прогонять? Вон, сектанты из-под Тулы – красавцы! Смерти радуются, медведю – праотцу молятся, трупы на суп пускают. Да всё с песнями весёлыми делают, с улыбочками счастливыми. А ещё пляшут хорошо. Пересекался с ними в начале весны, на Базаре. По одному – милые люди, все вместе – смерть всему живому. Хорошо, что тогда мозгов хватило к каравану пристать. Пробились с большими потерями. Караванщик рассказывал, что в каждую ходку нападают. И плевать им, что у него охрана с ружьями есть – лезут в бой с радостью. Всё равно потом и своих, и чужих сожрут, так что в убытке не бывают.

Чёрт, чёрт, чёрт! Что за чехарда из мыслей в голове? Сконцентрируйся, идиот! Кое-как собрался, прикинул варианты – попробую потянуть время, а там видно будет. Заодно можно аккуратно и незаметно достать нож из-за голенища. Чуть-чуть повернулся, опустил руку к голенищу... Есть!

Почувствовав в руке свою верную финку, служившую мне верой и правдой почти год, я немного успокоился и решил всё же попытаться повторить кинематографический прыжок в сторону, правда без стрельбы.

– *Миска. Еда.*

Чего? Это что такое? Непроизвольно обернулся, порушив тем самым все свои героические планы, и обалдел. В дверях стояла тварь, причем странная. Раньше её называли собакой. Она была высокая, черно-коричневая, с острыми ушами, вытянутой мордой и антрацитовыми глазами. А ещё очень худая и явно слабая. Так, а где говорящий? Не знаю. Вокруг не видно никого, хотя прятаться особо ему тут негде.

В это время тварь высоко подняла морду и засопела, принюхиваясь. После очень внимательно посмотрела мне в глаза.

– *Дай. Дай. Голод. Дай.*

Как ни странно, но до меня дошло, кто со мной говорит. Тварь. Поэтому и голос странный, и слова как отрубленные. Я не понимал, как у неё это получается, ведь речевой аппарат собаки не приспособлен для разговоров вообще. Не отвлекаться! Потом проясню сей феномен, если оно будет конечно, это потом.

Наверное, мне стоило удивиться, задать массу вопросов и убедить себя в том, что это не галлюцинация. Вот только некогда глупостями заниматься. Вот я, вот тварь. Она говорит – пусть, всякое случается... Главное – она смертельно опасна и, возможно, в здании не одна. А еще я её где-то видел. Нет, не именно её, скорее ей подобных. Давно, не помню...

Не приняв никакого решения, я взял пакет с сухим Педигри и ножом вспорол его. Может, наестся и уйдёт. Со спины же не напала. Неподалёку валялась и миска. Когда-то она была красивой, блестящей, с нарисованной косточкой. Теперь блеск облез и осыпался, покрывшись пятнами ржавчины. Медленно, чтобы не провоцировать, поднял эту ёмкость, пересыпал в неё корм, и очень аккуратно подвинул еду к твари.

Посмотрев на меня ещё некоторое время, словно раздумывая о том, с должным ли почтением подана трапеза, она медленно, с достоинством подошла и принялась есть. Всю агрессию у меня как рукой сняло, а на лице образовалась глупая улыбка. Как будто и не было всего этого десятилетнего ада. Я кормлю собаку. Не тварь – собака. Как когда-то в детстве.

Не знаю, что на меня нашло. Нельзя расслабляться. Красивые картинки воспоминаний в голове хороши в тепле и безопасности, под чай с сушками. Вот так размечаешься – и всё, сожрут. Воспоминания – это опасный враг. Они уводят в прошлое, подсовывая ложное счастье и забвение от реальности. Переключают мозг на спокойную волну. И вся эта бездна между

той жизнью и этой становится только глубже и больнее. Путает, подменяет тебя сегодняшнего тобой прошлым.

Мысленно выдав себе подзатыльник за мягкосердечие, я повторно осмотрел незваного визитёра. Опаньки, а вместо хвоста у твари обрубочек, пупочка эдакая. Ну точно где-то видел таких. Вспомнил! На выставке собак, куда как-то ходил, прогуливая пары в институте. Про них ещё тупой анекдот рассказывали, что мол это собака с еврейской фамилией. Доберман! Ну точно, доберман. Откуда здесь такое чудо? Причем явно чистокровное, без сторонних примесей. И хвост с ушами, тут я вспомнил умное слово, «купированы». По-простому – обрезаны.

Зверюга ела, хрупая кусочками старого корма и вроде бы не отвлекалась, но я чувствовал, что она контролирует каждое моё движение. Так... Раз больше никто кроме неё на пожевать не явился, значит тварь тут одна. Можно отделаться с минимальными потерями. Прикинул, как повалить стеллаж, куда рвануть и уже приготовился к доброй драке, когда тварь просто развернулась и вышла из магазинчика. Посмотрел – в миске пусто. У меня челюсть отвисла от удивления. Вот так, покушала и пошла! И всё! Даже спасибо не сказала. Но так не бывает, уже давно не бывает и не может быть! Я ничего не понимал, постоянно вслушивался в окружающий меня кусочек мира и ждал. Вот поцокали по плитам у входа и стихли, удаляясь, когти этого в высшей степени странного существа, вот подвывает ветер, вот стучит мое сердце...

Мозг сторонне отметил, что пол её женский, мужских причиндалов нет. Ну вот какая мне разница, сука она или кобель?!!

Простояв так минут десять, я решил выходить из здания и идти дальше своей дорогой. Ну не жить же здесь, ожидая неизвестно чего! Заново увязал мешок, вернул на место нож, взял ружьё в руки, традиционно проверился. Мысленно перекрестился и, стараясь не шуметь и аккуратно, внимательно выбирая чистые, без мусора, места, зашагал наружу. Ну его, этот посёлок. Тут недалеко, на сколько я помню «Атлас автомобильных дорог», что сейчас где-то под кормом на дне сидора лежит, ещё один есть. Второй раз так может и не повезти.

На улице на меня накатила эйфория от того, что после такой смертельно опасной встречи остался жив. Я не мог надышаться воздухом, нарадоваться солнцу, хотелось петь и дурачиться. Непередаваемое ощущение, наркотик, да и только. В тот момент мне действительно казалось, что весь мир радуется вместе со мной, что всё будет хорошо и на моей улице скоро перевернется телега с колбасой. Вот только дойти до моей улицы осталось... три локтя по карте.

Я сначала осторожно, с оглядкой, а потом бодрее и бодрее зашагал по дороге с местами изломанным свежими побегам кустарника асфальтом, попутно прикидывая, сколько мне топать до следующего ненаселённого пункта. По всему выходило, что часов шесть, а значит ночь в дороге не застанет. Успею и ночлег хороший найти, и нормально обустроиться. Уже на самом выходе из посёлка я услышал:

– **Вова?**

Голос опять раздался у меня в голове. Нет, нет, нет – второй раз сталкиваться с тварью в мои планы совершенно не входило. Одной встречи за глаза хватит. Прыгнул в сторону, перекатился, принял позицию для стрельбы с колена и стал осматриваться, сторожко держа ружьё наизготовку. Дорога, канава, какие-то мелкие кустики, редкие деревья. До ближайшего строения метров двадцать по прямой. И никого.

– **Вова?**

– Да что тебе от меня надо?! – проорал я. – Чего привязалась? Уходи! Я тебя не трогаю, ты меня не трогаешь, расходимся!!! Убью, только покажись!

– **Вова. Дима ждать. Долго. Плохо. Звать ты.**

Торчать хоть и с оружием, но посреди дороги, да вдобавок не видя противника, не удобно и глупо. Мишенью себя ощущаешь. Однако и бежать некуда. Так вот и ждёшь, у кого нервы первыми сдадут. Или тварь со спины набросится, или ты её ухитришься заметить первым да успеешь картечью приглубить. Третьего не дано.

– Стрелять нет. Я идти. Ты видеть. Нет опасность. Помощь.

Да пусть выходит! Пусть! Так даже легче и лучше. Когда увижу, то уж точно не промахнусь. А потом уйду навсегда из этой мёртвой дыры и поем спокойно вискаса. Для одного дня с впечатлениями явный перебор, не надо мне столько адреналина в крови. Хорошо хоть штаны сухими от таких встрясок остались...

Прямо в трёх метрах от меня, из кустов у канавы, медленно показалась худая четвероногая фигура, и я выстрелил.

Глава вторая

Понять, что промахнулся, просто не успел. Страшный удар в грудь выбил из меня весь воздух, спина встретила с асфальтом, потом с ним же поздоровалась и голова. Кто-то выключил солнце, однако звезды с луной тоже не появились – наступила крошечная тьма.

Сколько так провалялся в полной отключке – не знаю, когда открыл глаза было ещё светло. Осторожно потрогал череп – вроде бы цел, но сотрясение явно есть и боль дикая. Теперь попробую ощутить остальной организм – руки и ноги шевелятся, острых прострелов нет – уже легче.

И как не сожрал меня никто? Наверняка лежал как на подносе, не хватало только яблока во рту и пучка зелени в заднице для полноты картины. Принюхался – да нет, всё в норме, кровью не пахнет...

– *Иди.*

Тварь никуда не делась. Была тут же, лежала себе на животе метрах в трёх и внимательно смотрела на меня. С трудом сфокусировал на ней зрение и ни царапины, ни других каких повреждений не увидел. Как же так? Невозможно промахнуться с такого расстояния с моим опытом, да и без опыта практически невозможно. Бил, точно помню, в упор прямо... Ладно, всякое бывает. Живой пока – ну и хорошо.

Попытался сесть – получилось, но стошнило. Утерев рукавом рот и косясь на тварь я, как мне думалось, незаметно, приступил к визуальному осмотру. Так, а винтовка где, а арбалет? Косо глянул на сапог – и ножа нет. Совсем голый в плане самозащиты остался. Хорошо хоть мешок тут, за спиной. Вот только толку от него как от Там еда, атлас, немного патронов, спички с иголкой и по мелочи кое-что. Плюсом крючки свеженайденные ещё. Словом, ничего, что мне сейчас хоть как-то помочь может.

– Слышь, блохастое, оружие моё где?

– *Иди.*

Тварь зарычала. Ну вот и как с ней разговаривать?

– Да иду я, иду, – неуклюже поднялся, чуть повторно не обблевавшись, и кое-как справился с дезориентацией в стукнутой голове. – Дорогу показывай.

Шли мы долго. Она вела меня не разбирая дороги, через кусты и какие-то ручьи. Отбегала вперёд метров на двадцать и ждала, пока дойду. Врать не буду, не спешил, тянул время. Дважды я пытался, когда думал, что это незаметно, поднять палку покрепче, коих тут было с избытком, и дважды нарывался на приглушенное, крайне недоброжелательное рычание. А потом совсем мне грустно стало. Буквально на ровном месте подвернул ногу, да так неудачно, что ступить на неё не мог уже через каких-то триста метров пути.

– Долго ещё? – кривясь от боли, спросил я у твари. – Я ногу подвернул... в смысле лапу поранил, – мне казалось, что ассоциации со звериным организмом будут ей понятнее.

– *Нет*, – внимательные глаза осмотрели меня и задержались на подволакиваемой мною конечности. – *Близко. Глупый. У ты нет лапа, у ты нога. Лапа у я.*

От такого заявления я впал в ступор. Откуда ей известны такие тонкости? Ну я понимаю, разум есть. И могу принять, хоть и с трудом, что она его использует, но такое... Обалдеть, не сказать бы чего покрепче....

Пока, ковыля, тупил, со скрипом в больной голове переваривая такой тонкий троллинг (слово то какое вспомнил, из прошлой жизни) от этой бесхвостой остроухой заразы, мы пришли. Из кустарника показался довольно высокий, покрытый ржавчиной металлический забор. Сделан он был из стальных листов, грубо приваренных к забетонированным в землю мощным двутаврам. По всему верху конструкции была растянута в несколько слоев «егоза», в народе не совсем верно именуемая колючкой. Сильная вещь, попал – не вывернешься. От времени кое-

где проволока разорвалась и теперь лохмотьями свисала до земли. Но и это предвидели неизвестные мне строители. В дополнение по верхнему краю были наварены в хаотичном порядке куски арматуры разной длины. Густота, с которой усеяли забор эти железяки, не давала шанса ничему или никому перебраться через него без серьёзных проблем. В общей сложности, высота этого сооружения превышала три метра и при этом высоких деревьев, с которых можно перелезть, нет. Кто может попытаться перепрыгнуть всю эту жутковатую с виду конструкцию – я даже не представляю. От подкопа защита была тоже в полном порядке – между столбами сделан мощнейший даже на вид армопояс из первоклассного бетона. Сколько лет прошло, а он в идеальном состоянии. Серьёзное местечко. Это кто же тут прятался и от кого?

Между тем тварь пробежала немного вправо, остановилась и внимательно уставилась на меня. И слов не надо, чтобы понять её. Я со слезами на глазах, стараясь как можно легче ступить на повреждённую ногу, побрел к ней.

– *Тяни.*

– Что тянуть? – и тут мой взгляд упал на петли, приваренные к железному листу. – Так это дверь?

Это действительно оказалась дверь. Неизвестные мне строители, не мудрствуя лукаво, при монтаже защитной конструкции установили дополнительную стойку, обрезали один из заборных листов, приварили петли и получилась практически незаметная на общем фоне калитка. Потянул – оказалось не заперто. Петли скрипнули, но не сильно, и ничего не произошло. Никто меня не окликнул, не щёлкнул выстрел, никто не зарычал и не бросился. Вдобавок за забором оказались такие же невысокие кусты, как и с этой стороны.

Прозвучал рык за спиной, и я втиснулся в проход, чувствуя бдительный взгляд каждой клеткой организма. Ага, убежишь от тебя, как же. Тут и на двоих здоровых ногах не вариант, ну а в моём случае... Ладно, не будем о грустном, лучше осмотрюсь.

Странное место. С первых шагов чувствовалось всеобщее запустение и заброшенность. Какие-то цепляющиеся за штаны веточки, нескошенная трава, полное отсутствие асфальта или ещё какого дорожного покрытия.

– *Закреть. Чужие. Не ходить.*

С внутренней стороны калитки была коряво приварена вращающаяся задвижка. Она накидывалась на специально сделанную скобу стойки. Теперь понятно, как выбралась зверюга. Носом толкнула её вверх, лапами уперлась в дверь и за забором. Потом, наверное, так же уперлась лапами с той стороны и прикрыла за собой, чтобы какие-то «чужие» не шлялись. Господи, что я несу... Из твари чуть ли не брата по разуму выдумал. Она не человек, не надо ей людские качества приписывать.

Так, а это что? На подвижных частях этого примитивного замка остатки смазки. Не свежей, но имеет место быть. Значит есть, ну или были здесь относительно недавно люди. И что это даёт? Да ровным счётом ничего. Если поговорить – так мне с зайцами по гаражам лучше и безопасней, а в войну с себе подобными играть просто нечем. Нет, не хочу людей. Точно грохнут. Такого безоружного идиота, как я, в живых оставить – улитки засмеют.

Выполнив требование и закрыв проход, продолжил осмотр территории. Жаль, что я не фаталист и не умею быть готовым ко всему. Прекрасно осознавая свое положение и стремящиеся к нулю шансы выпутаться из этой странной передраги, мой мозг не сдавался и продолжал искать выход из этой ситуации. В голове вспыхивали и тут же гасли какие-то обрывки идей, проносились различные варианты развития событий, один фантастичней другого. Жить, жить, жить!!!

Скоро это удивительная в высшей степени прогулка подойдёт к концу, а что потом? Не знаю. В одном только уверен накрепко – умирать, если придется, буду в драке. Хоть зубами, хоть руками, но постояю за себя. Не хочу телком на бойне сгинуть. А потом сожрут меня или обчистят до нитки – мне уже без разницы будет.

На самом деле все эти размышления заняли у меня не более десяти ударов сердца. Пока мозг прокручивал варианты, глаза осматривались.

Я оказался на полностью огороженной забором территории примерно сорок на пятьдесят метров. Всё поросло свежей травой, много молодого кустарника. В центре стоял средних размеров металлический складской ангар из категории быстровозводимых, рядом с ним несколько стандартных строительных бытовок на колёсной базе. Окна и двери таких знакомых мне по столичному прошлому временных пристанищ были тщательно забраны решётками из арматуры, а из входных дверей торчали остриями наружу здоровенные гвозди. Seriously так это выглядело, добротно. Явно для себя старались, видимо, опасались нападения тварей. А что – просто, надёжно, эффективно. Немного дальше виднелся скворечник туалета. Серый, кривоватый, явно слепленный на скорую руку. И вокруг него тоже трава. Никто, видимо, не пользуется. Иначе народная тропа не смогла бы зарости.

Что было с другой стороны ангара я не видел, да и не интересно сейчас мне это было. Тварь уверенно прошла к крайней бытовке, по самодельной лестнице взбежала вверх и юркнула внутрь. Даже удивиться не успел такому фокусу, как прохождение сквозь закрытые двери. Зрение зацепилось за покачивающуюся дощечку вниз. Дверка для животных, самодельная. У нас я таких никогда не видел, а вот судя по западным фильмам, в Америке ставились повсеместно. Хотя я этого не понимаю. Ну бегают собачка бесконтрольно на улицу вперед и назад из дома, а лапы ей кто вытирает от грязи; кто следит, чтобы она не сожрала никого или не гадила на соседском участке? Заборчики по границам домовладений там показывали декоративные, для красоты разве что. Только где теперь эта Америка? Помню я последние репортажи по телеку – всё тоже самое, что и у нас. Только терминология менялась – у них массовые беспорядки, спровоцированные нарушением гражданских прав и свобод, а у нас совсем хорошо и будет ещё лучше. И вообще, не доверяйте буржуйам, они плохие.

И ведь верили этому многие, и я верил. Да если бы сразу начали людям объяснять, в чём дело и что делать, сколько бы народу смогло повысить свои шансы на выживание! Да, потом был вирус и поумирали человечки бы в подавляющем большинстве, но можно было хоть попытаться! Вместо этого до последнего с голубых экранов неслись сказки про то, что в стране хорошо и прекрасно; красивые ботоксные тётки, захлёбываясь от счастья, зачитывали радостные сводки об урожаях и чемпионах математических олимпиад. Стильные ведущие смаковали постановочные скандалы на всевозможных телешоу; в единообразных сериалах правильные полицейские лихо побеждали коррупцию, а в перерывах втискивали рекламу ненужной, но очень дорогой хрени. В общем, практически повторялась одна из историй про Титаник – оркестр играл до конца.

...Опять отвлёкся. Вот что я за человек – только вспомню или услышу о правительстве или СМИ, так всё, понесло дерьмо по трубам. Начинаю склонять их по всем падежам, аж слюна брызжет, и пофиг, что ни того, ни другого уже сколько лет нет. Не отпускает прошлое. Буду думать, что это из-за больной ноги я брюзжу. Распухла она капитально. Как бы сапог резать не пришлось, другой пары обуви у меня с собой нет.

Вот и та самая дверь. Аккуратно, чтобы не пораниться о гвозди, я взялся за ручку и потянул её на себя. Как и думал, оказалось не заперто. Изнутри пахло какой-то смесью прелости и заброшенности, словно попал в старый подвал.

Зашёл внутрь. Самая обычная двухкомнатная прорабка, каких были тысячи на стройках по всей стране. С улицы попадаешь в коридорчик, где из мебели, как правило, гвозди в стенах вместо вешалок, в углу расположились лом, пара лопат и неизвестно чей шлёпанец, вправо помещение, влево помещение. Обычно в одной половине жили работяги, в другой размещали что-то вроде кухни-столовой. Кстати, лопата и тут была – всё-таки есть вечные ценности.

Здесь же левый дверной проём был пуст. Электричества, чтобы включить свет, конечно не было, но и того освещения, что проходило через грязное, весьма затенённое внешней решёт-

кой окно, было достаточно. Бомжатник какой-то. На полу огромная куча засаленных тряпок, полуистлевших одеял, в углу груда старой посуды, мебели нет вообще. И на куче лежала тварь. Выглядела она жутко усталой, видать выдохлась.

– *Дима там*, – раздалось у меня в голове. – *Помощь*.

Я автоматически обернулся и увидел дверь, ведущую в соседнее помещение. Старая, облезлая китайская дешёвка из картона когда-то белого цвета. С полпинка вылетает из коробки. Подошёл, подергал за ручку – закрыто изнутри. Уже было собрался вышибать, но потом решил посмотреть в щелочку, да и постучать не повредит. Вдруг хозяину не понравится, что в его жильё сапожищами дверь открывают? Занервничает человек, а может даже и расстроится.

Аккуратно побарабанил костяшками пальцев – тихо. Постучал громче – опять тишина. Тогда поддавил полотно плечом и всмотрелся в образовавшуюся щель. Удалось увидеть не много – стул с какими-то папками, кусочек стола, немного окна с занавеской, из-за которой в помещении был достаточно плотный сумрак. А, будь что будет! Даже силу применять особо не пришлось – дверь распахнулась после первого же толчка. Присмотрелся – и не мудрено, что так легко получилось. Закрыта она была на самый обычный шпингалет, прикрученный уставшими от времени саморезами – ничего не скажешь, та ещё защита от лихих людей или тварей. Хотя при такой шипастой двери на входе в бытовку... Может и наговариваю я на владельца.

Первым делом сорвал пыльную тряпку, закрывавшую окно. Сразу посветлело и только теперь удалось осмотреться. Неряшливое помещение, на полу много мусора, папки с бумагами, хаотично лежащие везде, письменный стол, стул, буржуйка в углу, кровать. На кровати такая же замызганная, как и виденная ранее, куча тряпок. Подошел ближе, взгляделся, и только тогда понял, что на ней лежит человек. Мёртвый человек.

Это был труп очень худого, измождённого мужчины. На момент смерти ему было лет сорок, сорок пять, не больше. Из одежды на нём был старый ватник, стёганные брюки, валенки. Видимые признаки насильственной смерти отсутствовали, скорее всего сам скончался. Сколько я таких горемык находил во время мародёрки по брошенным домам и квартирам – не счесть. Так что ничего нового, дело привычное. Меня впечатлило другое. Он не пах тем сладковатым запахом, который практически всегда сопровождает человека после смерти до самого разложения. И ещё его лицо – оно было спокойным. Такое выражение может быть только когда ты по-настоящему свободен. Я присмотрелся, и удивление прошло само собой. Фактически это была мумия, тлен не тронул тело. В третий раз такое вижу и в третий раз опять стало неуютно. Мне доводилось видеть человеческие останки в самом разном виде – от жутко воняющих на летнем солнце до тщательно сваренных, обгрызенных, с высосанным костным мозгом. Было тошнотворно, мерзко, жалко – по-всякому проявлялось неизменное отвращение к смерти. Однако при виде вот таких спокойных, мумифицированных тел всегда становилось не по себе, вот как раньше при покойнике в твоём доме. Умом понимаешь, что это уже не человек и он не опасен, однако ощущения так себе.

Чтобы прогнать эти глупости из головы, я решил продолжить осмотр. Открыл несколько папок, лежащий на стуле, и ничего не понял. На пожелтевшей от времени и неправильного хранения бумаге были написанные от руки непонятные для меня цифры, графики, корректировки, местами даже латынь. Полистав с умным видом и заметив, что листы хоть и не сшиты, но тщательно пронумерованы, положил записи на место и перешёл к столу. На столешнице, кроме пустой керамической кружки и такой же пустой миски лежал прямоугольный, тщательно обернутый в целлофан и усердно обмотанный скотчем, свёрток. Взял его в руки – интересно же, что там, внутри. Только вот открыть нечем, спасибо твари. Осмотрелся, что бы приспособить для этой цели... и увидел спокойно лежащий на буржуйке старый кухонный нож. Обычная дешёвая китайчатина из отвратительной, мягкой стали и чёрной пластиковой ручки. Не бог

ведь что, но и лучше, чем ничего. Рядом, только руку протяни. Что я и проделал, немедленно схватив находку и зажав её во вспотевшей от волнения ладони.

Мой поступок явно остался незамеченным. Не было ни рыка, ни чего похуже. Не особо пряча оружие, я развернулся ко входу и увидел, что тварь тут. Когда она пришла – не услышал, но ей явно до меня не было никакого дела. Доберман стояла возле покойника, упёршись лбом в его бедро, и не шевелилась. Ничего не скажешь, сейчас был наилучший момент расправиться с ней, однако что-то в тот момент меня удержало. Даже я, при всей своей чёрствости и толстокожести, чувствовал её горе. Ну не поднялась у меня рука! Может быть я и прокляну потом себя за мягкосердечие и прочую «старорежимную» глупость, но не могу по-другому. Тварь словно вела последний разговор с умершим. И ничего, что я его не слышал. Это было прощание, и не спрашивайте, откуда мне это известно. Просто знал.

Траурная церемония, если это можно так назвать, продолжалась ещё минут пять, после чего тварь повернулась ко мне. Она явно сразу заметила острие ножа в моей руке, но ни как на этот факт не прореагировала.

– *Помощь. Ты читать книга на стол. Так Дима говорить.*

– В чём помощь? Ты что, не видишь, что твой... – тут я запнулся. А кто он ей? Хозяин, учитель, раб, или ещё кто? Какие взаимоотношения у них были? Ну не любовники же! Так ничего не придумав, я продолжил. – Он мёртв. И давно мёртв, даже если бы я очень быстро прибежал, то уже помочь всё равно не смог бы ничем.

– *Да, Дима нет больше с начало снег. Он просит найти Вова или иной человек. Вести дом и отдать книга на стол.*

Это была самая длинная фраза, которую я услышал от четвероногой с момента нашего знакомства. Книга, книга... Так это, наверное, тот самый свёрток, который я на столе нашёл! Надо же, он до сих пор у меня в руке зажат, не выпустил. Ладно, посмотрим, что там. Я, больше не скрываясь и не опасаясь, начал вскрывать целлофан ножом. Аккуратно старался, чтобы лезвием не повредить содержимое. Внутри оказалась не книга, а тетрадь. Весьма потрёпанная, на девяносто шесть листов, в клеённой обложке. Почему тварь её называла книгой? Хотя ей откуда в таких тонкостях разбираться...

– У тебя вода и еда какая-нибудь тут есть? Скоро вечер наступит, а у меня во рту ещё ничего не было, – совсем обнаглев, поинтересовался я у животного. Не то чтобы совсем мне плохо было – к голоданию вполне привычен и не кушать по паре дней доводилось не раз, однако вот без питья никак. Если до темноты водичку не раздобуду, то где её по ночи искать?

– *Иди, там,* – совершенно спокойно тварь развернулась и вышла из комнаты, подождала меня на крыльце прорабки, а затем весьма грациозно прыгнула на землю. Я, как умел, поспешил за ней, засунув на ходу тетрадь за пазуху, а нож за голенище сапога. Нога не давала забыть о себе и в который раз подумалось о привале, ну или по-простому захотелось рухнуть на задницу и посидеть долго, со вкусом. Обязательно так и поступлю, но потом. Прихрамывая, я спустился по ступенькам, по привычке осмотрелся, прислушался к окружающему миру, и только тогда двинул в обход ангара. Именно туда и побежало это в высшей степени странное создание.

У меня вообще выработались определённые... ритуалы, что ли... Всегда вслушиваться, вглядываться, внюхиваться при выходе-входе в помещения, в ненаселённые пункты. Не скажу, что хоть раз увидел или учуял кого, однако были случаи, когда на подсознании не хотелось идти в некоторые места. Вот смотришь на дом или подвал какой, а внутри всё аж выворачивает, в ноги холодом отдаёт. Никогда из любопытства не проверял, что там такое, не на столько мне это надо, да и в финале очень легко себе дороже может выйти. Этому нас все ужастики 80-х и 90-х годов прошлого века чётко учат. Помните, по сюжету «группа подростков приехала в дом у озера на выходные и одна из взятых на потрахушки дур обязательно, среди тёмной-тёмной ночи, со свечкой в руке пойдёт посмотреть, кого именно бензопилой расчленяет злобный

маньяк? И всенепременно будет дефилировать к собственной гибели в новом и симпатичном комплекте белья, слегка прикрытом белой мужской рубашкой». А не умничала бы, под кровать нырнула – могла бы и выжить. Тихонько вылезла потом в окошко, села на злодейский автомобиль (он всегда исправен) или на лодке уплыла в рассвет. В общем, смотрел я в мелком возрасте этих третьесортных страшилок чуть больше, чем дофига, а потому правильные выводы сделал.

Далеко тащиться не пришлось. Сразу за поворотом оказалась колонка рычажного типа. Давно не доводилось такие видеть, с самого детства. В фортах они были, я знал. Но кто же такую тайну выдаст или покажет! Чистая вода – это вполне достойный и востребованный товар. Без неё никак нельзя, водопровод теперь стал сказкой, а бегать по лесам и полям в поисках источников с приличной для употребления водой – дураков нет. Даже если и найдёшь, и не сожрут по дороге, так в любом случае путного из этой затеи ничего не выйдет. А как водичку в родимый дом доставить? Рабочие автомобили, да ещё и с нормальным топливом, наперечёт, никто не даст. Лошадей нет. Впрягаться самому – ну и сколько увезёшь? Опять же, если сегодня не сожрали, то вполне могут завтра это сделать. Устроят твари засаду, подпустят поближе, расслабятся спокойствием дадут – и кирдык. Они же тоже пить хотят и все источники прекрасно знают.

Мне проблемы водоснабжения пока удавалось решать просто. При выборе своего маршрута я сознательно не стремился пройти много за световой день, максимум от деревни до деревни. А там и колодцы, не протухшие от забвения, кое – где сохранились, и в придорожных магазинчиках бутилированной воды было много. Почему-то при мародёрке на неё никто из местного населения не зарился. Что удивительно, не брало это полуискусственное аш два о ничего! Не знаю, какие консерванты туда лили, однако при вскрытии бутылки жидкость ничем не пахла и на вкус была вполне приличной. Так вот и выкручивался.

Как ни странно, колонка оказалась рабочей, даже почти не скрипела. Качнув несколько раз и спустив застоявшуюся, ржавую воду, я припал к носику и жадно, с наслаждением, попил ледяной жидкости. Затем наполнил флягу и вопросительно посмотрел на мой четвероногий источник неприятностей. Зверюга поняла меня без слов, спокойно подошла и потешно выбрасывая язык так же напилась, пока я качал.

– А где еда? – решил повторить вопрос я. Ну а вдруг повезёт?

Не отвечая, она подбежала к полуоткрытому морскому контейнеру, стоявшему буквально в пяти метрах рядом с двумя такими же, но запертыми на задвижки. Пришлось идти. Что за шутки! В приоткрытых створках виднелись только огромное количество обрывков глянцевой бумаги с иностранными буквами. Серьёзная такая куча мусора была. Взял несколько клочков в руки и понял – в прошлом это были мешки с собачьим питанием.

– *Нет еда. В мешок есть, другая еда нет.*

Я надеялся, что про корм в моём вещмешке она забыла. Наивный какой, аж слеза скупая наружу просится. Всё она помнит и, судя по её худобе, не врет – пищи тут действительно нет. Если бы здесь было чем подхарчиться, то она бы давно это сделала.

– А в тех двух контейнерах что? – спросил я и, не дожидаясь ответа, взялся за заклинившие от долгого простоя, задвижки. Еле провернул, однако цели добился и открыл дверь. Там оказались дрова. Сухие, практически на треть заполнившие все свободное пространство. Впервые такой дровяник вижу, хотя почему нет? Всем требованиям соответствует. Во втором контейнере оказалось тоже самое, только он был заполнен полностью.

Подивившись тому, что дерево для печки хранится вот так, а не под навесом, я взял несколько поленьев и стал прикидывать, где обустроить ночлег. Солнце уже совсем скоро сядет, надо побеспокоиться о защите моего брэнного тела в тёмное время суток. Тут хоть и забор с защитой по всей форме имеется, и следов тварных нет вроде бы, но судьбу искушать – это лишнее...

Внимательно осмотревшись вокруг и ничего умного не придумав, я заковылял обратно, в Димину бытовку, как про себя уже её окрестил. Не думаю, что хозяин обидится на меня, а там все удобства для усталого путника в наличии.

Возле ступенек свалил дрова на землю, однако на создание уютного костерка у меня уже просто не осталось сил. Ничего, завтра ими воспользуюсь. В том, что завтра наступит, я уже не сомневался. Все случившиеся за сегодня со мной странности здорово превысили любые допустимые лимиты нагрузки на человеческий рассудок. Случилось всё, что не могло случиться в принципе, а я всему наперекор стою на своих ногах и почти целый. В голове огромное количество новых данных, однако мозг отказывался соображать, делать выводы и анализировать. Он оставил включенной только одну опцию – спокойствие. Вот прямо всё вообще по барабану и твердая, даже не знаю чем обоснованная уверенность в том, что всё будет нормально. За хорошо не уверен, но нормально точно! А если и не будет – да и чёрт с ним, не в первый и не в последний раз. Буду решать проблемы по мере их поступления.

Устал, как собака устал... Никогда не мог понять мерила усталости именно в собаках. Почему собака, а не слон или приличный буйвол, да и где та собака так устать могла? Не поле же перепаживала и не телегу с брёвнами таскала. Ладно, не суть важно... Умаялся я, вот всякая чушь в голову и лезет. Нужно осмотреть ногу, пожевать и спать – вот самый простой и правильный план действий.

Взобравшись с руганью и проклятиями в бытовку и закрыв дверь изнутри на самодельный накидной крючок из арматуры-восьмёрки, я плюхнулся на пол прямо в коридорчике и со слезами, до крови закусив губу, стянул сапог с больной ноги. Под портянкой оказалось не то чтобы плохо, но безрадостно точно. Даже при не очень хорошем внутреннем освещении было чудесно видно, что голеностопный сустав распух, а под кожей появилась пара синюшных пятен. Потыкал пальцем в сомнительные места, попробовал пошевелить стопой вправо и влево. Как на мой, крайне дилетантский взгляд – особо ничего страшного, перелома точно нет, однако нужен покой. В общем, не ходок я как минимум дня три, поэтому буду тут гостить, на базе.

Хорошо, что меня кое-чему жизнь научила, а потому портянки себе всегда нарезаю длинные, чтобы аж на икру заходили, и из правильной ткани. Никакой синтетики или добавок, только на хлопковой основе. Хочешь, используй для защиты любимых нижних конечностей от грибка и мозолей, а хочешь – как перевязочный материал. Согласен, не самая стерильная повязка на свете, но другой при себе всё равно нет. Почему-то вспомнилась поговорка про гербовую бумагу, а потом её более пошлый аналог про использование дворника в отсутствие горничной. Банальная сальность конечно, но хоть немного отвлёкся и настроение даже чуть-чуть поднялось. Распустил тряпку на несколько лент. Неаккуратно вышло, тупенький нож оказался – не столько резал, сколько рвал.

– Это пустяки, это пустяки, – негромко пропел я и, высунув от усердия язык, наложил крестообразную повязку на травмированный участок ноги, как и положено при растяжении. А что пою иногда для себя – что тут плохого? Не мешаю же никому при этом и не мучаю децибелами. Почти. Сразу вспомнил о покойном в соседней комнате и настроение стало опять подавленным. Неудобно получилось, не до конца ещё очерствел.

Тем временем тварь проскользнула в свою дверцу, аккуратно переступила через мою вытянутую поперёк прохода ногу, как-то очень по-человечески вздохнула и уставилась на меня. Понятно, без слов и междометий понятно... Жрать хочет, что же ещё? Без вариантов.

Делать нечего, придется делиться. Я достал из заплечного мешка один из пакетов с собачьим кормом, разорвал верх упаковки и осмотрелся в поисках тары. Зверюга поняла всё правильно. Пошла к тряпичной куче, порылась в ней, даже немного пофыркала. Результатом всех этих действий стала невесть откуда добытая миска весьма внушительных размеров, аккуратно принесённая в зубах и поставленная рядом со мной. Честно отсыпал две трети содержимого в

предложенную емкость. Нда... Получилось совсем уж убого, на донышке. Перебьётся, у меня не зоомагазин!

Для очистки совести я показал ей, что мне еды досталось гораздо меньше, отодвинул миску в сторону и вгрызся в засохшие кусочки, не забывая проталкивать в себя их водой. Не самая вкусная вещь на свете, однако лучше, чем ничего. Вкус вообще тут не причём, главное – питательно.

Тварь со своей порцией расправилась мгновенно и опять уставилась на меня, подергивая при этом своим влажным чёрным носом. Казалось, она провожает глазами каждый проглоченную мною крупинку пищи прямо до желудка. Неприятное это ощущение, словно я обжираюсь на глазах истощённых детей Африки. Ну нет, так не пойдёт. Пусть хоть расплачется – не дам. Мне тоже пища необходима, без неё я могу отощать окончательно и умереть.

– Отстань, мне тоже кушать хочется. Еды больше нет.

Нос недоверчиво заёрзал. Чёрт! Никогда бы не подумал, что вот так, одним органом обоняния, можно передать всю сложную гамму недоверия, презрения к лжецу и просьбу дать ещё немножечко. Ну хоть вон тот маленький кусочек. И всё будет хорошо, больше ни-ни, прямо вот совсем.

– Не дам, это на Новый год, – на всякий случай зажав горловину мешка между колен, прочавкал я. – А завтра чего жевать будем? Ты же опять выпрашивать начнёшь.

Вместо ответа последовал грустный вздох, затем четвероногая молча развернулась и ушла на свою кучу.

Вот к чему брякнул про Новый год? Почему я перед ней оправдываюсь? Ну, про праздник понятно, к слову пришлось. Сама собой старинная шутка с языка сорвалась. Это раньше праздники были, дни рождения всякие. Теперь проще, знаешь название текущего месяца – и хорошо, уже можешь некоторой образованностью в обществе блеснуть. Календарь давно никто не ведёт. Мне доводилось встречать таких индивидуумов, которым вообще на эти тонкости было плевать. Есть зима, весна, лето и осень – а остальное от лукавого.

Оправдания же... Да нет ни каких оправданий. Просто уставшие и трёхнутые за сегодня мозги подсознательно ищут привычные законы общения с другим разумным существом, не более и не менее. Баста! Не буду городить вероятности, баиньки мне надо.

Проглотив последний кусочек ужина и пожелав себе мягкой и шелковистой шерсти благодаря усвоенным витаминам (как в старинной рекламе), я прямо вот так, сидя на полу, провалился в сон.

Глава третья

На следующий день проснулся довольно поздно. Твари нигде не было, видимо носит её где-то по своим делам. Неторопливо сходил к колонке, умылся, даже голову ледяной водичкой освежил. Давно мечтаю зубной порошок найти, но пока не везёт. Тюбиков с зубной пастой в любом, даже самом занюханном деревенском лабазе, полно – однако они или засохли, или полопались от холода в неотапливаемых помещениях и опять же засохли. Приходится пользоваться мелом, в пустых школах он есть в достатке. Бери – не хочу. В общем, повозил по своим бивням старенькой зубной щёткой, проплевался и счел утренний моцион законченным. Надо решать, чем займусь сегодня.

По-хорошему, сперва необходимо тут всё облазить и перерыть, однако нога о себе забыть не дает ни разу. Более или менее передвигаться смогу только дня через три или четыре, не раньше. Да и то хромая, медленно и неуклюже. Значит археология данной территории откладывается на неопределенный срок. Тогда чем заняться? Неожиданно зрение выхватило в траве у забора некие невысокие конструкции, более всего напоминавшие кресты. Подошел, присмотрелся – ну так и есть, могилки это. Четыре заросших холмика, четыре креста – четыре человека. Братские захоронения так близко не устраивают. Надписей уже не различить, только остатки чёрного маркера, да и те скоро исчезнут под дождями. Вот, значит, куда местные подевались...

Дело нашлось само собой. Я сходил за лопатой, обнаруженной в бытовке, и принялся копать пятую могилу. Хотя копать – это очень громко сказано. Больная нога не позволяла ни надавить на орудие труда, ни упереться в землю. Пришлось работать ею как ломом, то есть долбить. На мое счастье почва была мягкой, а потому удалось вырыть последнее пристанище для незнакомого мне Димы примерно за три часа. Глубина получилось всего в метр, дальше я рыть не стал, и так намахался по самое некуда. Будущий обитатель уже мёртвый, ему санитарные стандарты захоронений глубоко до одного места.

Притащил тело. Может и не слишком бережно, но уж как смог. Уложил в могилу и обратил внимание на то, что стараюсь всё делать почтительно, аккуратно. Вот ему же абсолютно по барабану, как его под землю отправят, а мне почему-то нет. Странно... Может это от того, что есть в этом грустном обряде что-то от прошлой жизни и так выражается своеобразная ностальгия? Надо будет об этом подумать... Интересно, меня удостоят таких шикарных по нынешним временам похорон, буде случится? Вряд ли.

Неизвестно откуда появилась тварь. Ну конечно, кто бы сомневался, что она про меня забудет. Её черно-коричневое тело было в цветочной пыльце, к загровку прилип лист репейника. Видать за забором бегала, а теперь вот к концу приперлась, как знала!

– Прощаться будешь? Я его сейчас закопаю по нашему обычаю. Положено у нас так, у людей.

– *Я знать. Когда человек нет – его копать глубоко. Дима объяснять.*

– Понятно, – я взялся за лопату и первые комья земли упали в яму. Так, в полном молчании и закончил это не самое приятное дело. Наверное, нужно было произнести речь об умершем ну или хоть какие-то слова, однако меня хватило лишь на:

– Пусть земля тебе будет пухом. Крест завтра поставлю. Устал я.

Действительно, сил осталось только добраться до прорабки, глотнуть воды из фляжки и рухнуть на ступеньки у входа. Вот вроде бы и крепкий я мужик, и работы не боюсь, а вымотался. Зато дело хорошее сделал, может и зачтется на Страшном Суде мне оно. Хотя на результат повлияет вряд ли, ибо грешен аз. Но это так, в качестве шутки юмора. Я слишком давно ни во что не верю – ад уже тут, а в существованиирая сомневаюсь очень.

Тетрадь... Точно, тетрадь! Вспомнил про неё наконец! Сейчас самое оно, чтением отвлекусь. Прежде чем достать её из-за пазухи, осмотрелся. Вон тварь в травке на солнышке

дремлет, положив голову на лапы, не беспокоится. Вон птицы поют, значит тоже в спокойствии пребывают. Ну и отлично.

Устроившись поудобнее, я открыл первую страницу...

... Здравствуй, я не знаю, как тебя зовут, да это для меня теперь и не важно... Если ты это читаешь, значит я уже мертв...

Глупое начало, согласен? Пробую по-другому. Раз у тебя в руках эта тетрадь, то значит моя питомица, скорее всего, всё-таки кого-то нашла. Надеюсь, ты уже обнаружил тушёнку и галеты. Если нет, то посмотри под койкой. Там оставался небольшой запас. Покушай. Вряд ли ты сыт. По близости нет магазинов, где можно прикупить что-нибудь вкусное. В банке спирт. Не бойся, чистый медицинский. Я так и не научился употреблять алкоголь, поэтому мне он был без надобности.

Не поверив такому счастью, я винтом вскочил, начисто забыв про больную ногу, и мгновенно оказался у кровати. Всё так и было. Не менее дюжины пыльных жестяных банок и одна стеклянная притаились в тёмном углу, а вон и пакет с галетами в выцветшей упаковке. Есть захотелось неимоверно, с утра же маковой росинки во рту не было. Нет, воздержусь. Вечером поем. Бездумно такое богатство расходовать глупо, надо насладиться каждой ложкой, каждой каплей мясного сока. И под пятьдесят грамм... Рот наполнился слюной, но это ничего. Потерплю, попредвкушаю. Спасибо тебе, мужик! Как есть спасибо!

В прекрасном расположении духа я вернулся обратно на ступеньки и продолжил чтение.

...Представляю, как ты удивился, повстречав говорящую собаку, во всяком случае я хочу верить в то, что вы встретились. Ничего, что я сразу на «ТЫ», ещё и обращаюсь в мужском роде? Никакой гендерной дискриминации, просто мне так удобней вести с тобой диалог. Именно диалог. Потому что когда я пишу эти строки, то почему-то кажется, что я тут не один. У меня есть собеседник, жилетка для плача, так сказать. Надеюсь, ты простишь полубезумного человека...

Итак, меня зовут Дмитрий Андреевич Караваев, но ты можешь обращаться ко мне просто по имени. Я был сотрудником одного полусекретного НИИ, изучавшего вопросы биологических мутаций. Хорошая, спокойная и интересная работа, за которую очень неплохо платили – мы же под курированием военных были. Именно из-за этого я и оказался здесь. Но обо всем по порядку.

После того, как у млекопитающих после небезызвестных тебе событий появился РАЗУМ и начались первые жертвы среди людей, все сотрудники в авральном порядке были мобилизованы и переведены на казарменное положение, то есть утрамбованы в институтскую гостиницу по восемь человек в номер без права выхода в город, ну разве что по спецпропускам от руководства.

Основная же задача, с пафосом на общем собрании поставленная перед нами, заключалась в поиске ответа на вопрос – как животные общаются между собой. Основываясь на поступающих данных (да, соответствующие органы тщательно отслеживали ситуацию с самого начала) нашему отделу поручили направление по установлению контакта со зверями и определению их уровня интеллекта. В закреплённый за нами блок институтского зверинца были доставлены несколько специально отловленных волков, а из какого-то бродячего цирка реквизированы два кота, старая болонка и коза.

С начала мы не знали, с чего начинать. Ни одна из известных методик, с таким успехом опробованная ранее на обезьянах и крысах, не работала. Все эти картинки, ассоциативные ряды и загорающиеся лампочки подопытными просто игнорировались. Они сидели в своих клетках, поглощали выданную пищу и только их глаза блестели от ненависти. Так продолжалось почти полтора месяца. И вот, как-то после очередной взбучки от руководства, где мне пришлось выслушать не мало нелестного о себе и коллегах, пришла идея обратиться в клуб собаководов. Было точно известно, что не все домашние питомцы покинули хозяев.

Так почему бы не попробовать наладить контакт со свободным животным, на добровольной основе? Сказано – сделано. Я сообщил о желании провести такой эксперимент начальству, получил одобрение и при помощи силовиков чуть ли не в тот же день были проведены мероприятия по поиску животных, подходящих под установленные нашей инициативной группой критерии.

Ты прости, я тут совсем зарвался. Все пишу «Я», «Моя» – как будто один всё делал. На самом деле это не так. Нас было шестеро и твой покорный слуга играл в группе далеко не самую ведущую роль. Просто так удобней, да и не думаю, что тебе очень интересно, кто что кому сказал и сколько раз после этого поругались. Мы, учёные, как дети малые. Всё и всегда знаем лучше других, поголовно авторитарны и тщеславны. Да и завистливы через одного, чего скрывать. Каждый из нас норовил подслушивать разговоры коллег из других научных групп и украсть какую-нибудь свежую идейку, чтобы потом с апломбом выложить её в своем кругу. Поэтому давай договоримся – я рассказываю тебе всё от первого лица, а ты, если захочешь, потом разберешься по лабораторным документам, кто был гений, а кто прозябал в глупости.

Ну, вроде бы объяснился, теперь к главному. Дня через три после беседы с руководством к нам попали Адольф и Ирма. Это были прекрасные доберманы-трёхлетки, мальчик и девочка с родословными, уходящими чуть ли не в сумрак веков. Взяли их из какого-то частного питомника, где они родились, выросли и прошли специальное обучение по охранной деятельности.

– Почему специальное? – спросил я тогда у доставившего к нам собак кинолога. Оказалось, что обоих четвероногих красавцев по заказу готовили для охраны усадьбы какого-то олигарха, а у того были специфические требования к собакам. Они должны были не подходить в присутствии хозяина к другим людям (наверное, чтобы пьяных гостей не пугать), обладать очень спокойным характером, уверенно работать в паре, естественно великолепно выполнять все команды и быть готовыми умереть за владельца по первому требованию. Были еще какие-то хотелки, но я не запомнил. Дело в том, что олигарх животных по неизвестной причине так и не забрал из питомника, а нового хозяина им не нашли. Как я понял, собаки вышли в крупную копеечку заводчикам и за так отдавать они были не готовы. Военные, думаю, их просто реквизировали.

И Адольф, и Ирма действительно отличались нордическим спокойствием и природной сообразительностью, полученный разум никак не сказался на их поведении и образе жизни. Мы даже не боялись выпускать их из вольеров побегать по институтскому двору, знали, что всё будет хорошо. Да и в выполнении поставленной задачи наметился прогресс. Помогли книги. Каждый день, по очереди, мы усаживались перед вольерами и по два, а иногда и три часа читали вслух. Сначала медленно, четко проговаривая все буквы, потом быстрее. Как маленьким детям. Начинали с «Репки», «Колобка» и «Курочки Рябы», постепенно пришли к Незнайке и Гарри Поттеру. Слушали чтение все наши подопечные, но собаки проявляли интерес и откровенно радовались, узнавая продолжение занимательной истории, остальные по-прежнему хранили отрешённое спокойствие.

Не буду утомлять подробностями, но если вкратце, то в ходе исследований мы точно выяснили, что звери действительно общаются между собой на весьма высоком уровне. Они могли передавать друг другу не только простые приказы, но и целые фразы, понимая их суть и вложенный смысл. Механизм и природа этого явления были мне по-прежнему неизвестны. Как ты понял, наша идея о добровольном сотрудничестве дала крайне положительные результаты. Большие скажу, из всех постояльцев зверинца удалось добиться лишь взаимопонимания только, я подчеркиваю, только с доберманами – они научились собирать из алфавитных кубиков слова, давая таким образом простейшие ответы на наши вопросы.

Так продолжалось почти два месяца. Каждый четверг мою группу заслушивали о результатах проделанной работы, за что-то хвалили, за что-то наказывали, обычная рабочая текучка. А потом к нам поступался внешний мир. У Коли Гудимова, моего приятеля из смеж-

ного отдела, в парке собаки загрызли ребенка. Это стало поводом сначала для пересудов в курилках, а потом и для паники. Круглосуточно и безвылазно находясь в закрытой организации и практически не интересуясь ничем, кроме работы, мы как-то упустили всё происходящее вокруг. Коллеги поголовно кинулись звонить родне и от них узнавали страшные подробности о том, что творится на белом свете. Грешно так говорить, но я счастлив, что одинок. Родители умерли, с женой давно развелся, детей нет. Иначе я не знаю, как бы пережил весь этот ужас.

Институт практически опустел, не помогли вопли главного про увольнение и закрытые двери на выходе из здания. Их попросту снесли, а вахтеру, честно пытавшемуся остановить этот безумный людской поток, набили морду. Кто-то потом вернулся вместе с семьей, но таких были единицы. Из моей научной группы осталось всего двое – я и Фима Латович. Работы фактически парализовались, здание обезлюдело. Мы, чтобы хоть чем-то себя занять, стали вроде служащих зоопарка – убрали клетки и кормили животных, благо запасы провизии для них были. Причем кормили не только своих, но и чужих – ну не мог я игнорировать тогда то, что живых существ морят голодом.

Через несколько дней ушел и Фима. Не знаю почему, но перед уходом он искренне желал мне бежать куда глаза глядят. А куда бежать? Выход в интернет у меня был, и я по форумам и соцсетям примерно представлял, что вокруг творится. Сидел, ждал... Сам не знаю, чего. Наверное армии, вертолётов, выступления президента... Ясности ждал.

И вот про нас вспомнили. Подогнали автобус, несколько армейских Уралов с клетками в открытых кузовах и два тентованных. В авральном порядке вся имеющаяся документация по научным работам, все лабораторные журналы были кое – как закиданы в машины с тентами, безжалостно вырванные из системных блоков жёсткие диски навалом лежали в огромных, неизменно клетчатых сумках. Где, чьё, из какого отдела что взято – не разобрать. Только теперь я понимаю, как глупо выглядел в своих жалких попытках рассортировать, уложить, сберечь. Мир катился в задницу, а я кудахтаю над никому не нужными бумагами. Их и тогда вывезли скорее по привычке прятать знания от врага, чем по необходимости хоть что-то сохранить на будущее.

Затем всех, кто присутствовал на тот момент в здании НИИ, загрузили в автобус. Надо признать, что насильно никого не заставляли, люди сами тянулись под защиту военных. Меня же попросили обождать. Искренне удивившись, я согласился и почти сразу ко мне подошел человек в форме с погонами капитана.

– Вы за животных отвечаете? – спросил он.

– Нет, мне не известно, где сейчас ответственный за содержание лабораторных животных, я лишь работал с некоторыми из них да подкармливал, когда некому это делать стало.

– Значит вы, – тоном, не терпящим возражений и споров, утвердительно заявил капитан. – Показывайте, где твари.

Тогда я не обратил внимание на то, с каким отвращением военный произнес «твари». Новый смысл этого слова я узнал немного позже.

В сопровождении нескольких военнослужащих мы прошли к вольерам.

– Контактные из них кто? Выведите их отсюда и поместите в приготовленные клетки. Потом вернитесь обратно.

Мне решительно было не понятно происходящее, однако перечить я не посмел и вывел Адольфа с Ирмой из помещения зверинца, после чего поместил их куда и было сказано. Оставшиеся по близости солдаты сразу же оцепили Урал и направили оружие на доберманов. Вот тут меня проняло до глубины души. Какой же ты, Дмитрий Андреевич, глупец! Остальных четвероногих сейчас убьют, без вариантов. И выстрелы всё объяснят сидящим в кузове

животным, а потому вся, вся наша работа насмарку! Они никогда не пойдут на контакт с палачами.

Я не мог остановить военных, да и не собирался. Признаю, мне было ужасно жаль приговоренных к смерти, однако что с ними ещё делать было? Выпустить на улицы, чтобы своими руками пополнить ряды четвероногих убийц? Нет, без меня такие выходки. Время мягкосердечия и прекраснотушия прошло, настало время эффективности и решимости. Согласен, звучит пафосно-книжно, но это именно те мысли, которые обуревали меня в тот момент.

Решение пришло само собой. Я стремглав вернулся назад и со всей возможной убедительностью и жаром смог уговорить капитана произвести казнь после того, как моих собак вывезут подальше отсюда. Как ни странно, но он меня понял и поддержал, а затем мягко выпроводил к машине. Так мы уехали в ЛК-4.

Мне больно писать эти строки. Мучительно переживать происшедшее в те дни, с таким тщанием и усердием загоняемое на задворки памяти, ещё раз. Я намеренно сначала не хотел упоминать об оставшихся тварях, но считаю, что это было бы не честно по отношению к самому себе. Было – значит было. Ведь эта тетрадь – вроде бы как моя исповедь. А на исповеди не врут. Так вот, перед смертью они не выли, не скулили, не бросались на решётки. Съежившись в подрагивающие от нервного напряжения меховые клубки они нас НЕНАВИДЕЛИ! Сколько лет прошло, но глаза этих существ, горящие бессильной злобой, до сих пор иногда вижу во снах. И слава всему сущему, что не смог окончательно забыть – иначе не знаю, довели бы своё дело до конца. Забегая вперед, скажу, что моя хитрость удалась. Отношения с собаками у меня не испортились, и они никогда не интересовались теми событиями.

ЛК-4 оказался вот этим самым местом. ЛК – это лабораторный комплекс в переводе с военного на общечеловеческий. Четыре, соответственно, порядковый номер. Где находятся первый, второй, третий – дело тёмное. А уж про пятый, шестой и так далее – вообще из области загадок и догадок. «Режим секретности надо блюсти!» – сказал мне тогда уже обустроившийся здесь смешливый Виктор Яремчук, психолог. – «Ибо враг не дремлет!»

Помимо меня и Виктора из гражданских тут были ещё Николай Николаевич Бевз, специалист по генетике и Андрей Кремов, человек-энциклопедия. Трудно сказать, в чём он не разбирался. Надо приемник или радиостанцию починить – может. Сварочный аппарат из дерьма и палок синей изолированной скрутить или разъяснить особенности Цикла Кребса – легко. В нашей сводной научной группе, как мы сами себя для удобства обозвали, он отвечал за зоологическую ветвь исследований и ветеринарию.

Также на базе имелось и отделение охраны во главе со старшим лейтенантом Лукичевым. Человек он был весьма неприятный, после общения с ним хотелось всё время руки помыть. С нами, да и с солдатами, говорил исключительно через губу, с таким презрением. Одним словом, мерзкий тип.

Поскольку я прибыл самым последним, меня ввели в курс дела и обрисовали задачу. Необходимо было всеми силами продолжать исследования и добиваться результата в кратчайшие сроки. Именно поэтому для нас была построена в глухомани эта база, завезено кое – какое оборудование и вообще, созданы максимально комфортные по нынешним временам условия. В ангаре вольеры и лаборатории, под ангаром склад с продуктами лет так на сто с гарантией, два заправленных под завязку газгольдера прикопаны, генераторы, скважина своя, плюсом два контейнера с дровами про запас (ума не приложу откуда их взяли) и контейнер с питанием для наших подопечных. Да и по мелочи много всего. Вот только книг не было, что нас очень угнетало.

Все мы, кроме Бевза, были одного возраста ко всеобщему удивлению быстро сошлись. Да и генетик, хоть и был убелен благородными сединами, но фору нам, молодым, давал ого-го какую! Именно он, нас, взрослых увальней, заставил делать по утрам зарядку в любую погоду и научил обливаться холодной водой. Так же по его настоянию мы вырубали все дере-

вья близости от базы, тщательно оберегая запасы газа и дров на «чёрный день». Спасибо тебе, Николай Николаевич, и будь ты проклят! Спасибо за разумность твоих действий и вложенные основы выживания. Проклинаю за то, что всё это оказалось бесполезно. Я один, я умираю, и сам себе не могу ответить, почему не покончил с собой раньше. Зачем терплю?

Ты прости, опять размяк... Все чаще случаются перепады настроения, как у беременной. То плачу, то смеюсь... Если бы не она, моя единственная компаньонка, свихнулся бы уже бесповоротно, а так ещё удерживает что-то от окончательного безумия...

Как я уже тебе рассказывал, книг у нас не было, и это морально очень угнетало. Но мы, на свою беду, нашли выход! Солдатики, жившие в бытовках на улице, через несколько недель уже сходили с ума от однообразия и придилок Лукичева. И поэтому, естественно, начались самовольные отлучки из лабораторного комплекса. На свой страх и риск обследуя окружающую территорию, они нашли полузаброшенную деревню, а в ней библиотеку. Когда мы об этом узнали, радости не было предела! Пойми, мы с книгами всю жизнь рядом, с пелёнок. Так устроен наш мозг – всегда, в любое время нужна информация. А без неё – интеллектуальная ломка.

В общем, Яремчук не удумал ничего лучше, как предложить военным десять литров чистейшего медицинского спирта из наших запасов за доставку всей библиотеки на базу. Естественно, переговоры шли без ведома начальства, поэтому молодыми ребятами такое предложение было принято на ура! Тот час они погрузились, не смотря на брань командира, в наш единственный бортовой ГАЗ и уехали. Вернулись глубоко за полночь, свалили книги у ангара и вытребовали обещанное. Пока мы, учёные ослы, трепеща от радости, переносили внутрь столь нежный нашим сердцам груз, случилось страшное.

Старший лейтенант, решив поучить подчиненных соблюдению армейских порядков, вломился к ним в вагончик и стал орать на всю базу в свойственной ему хамской манере. Обещал все кары египетские на солдатские головы, а затем стало тихо. Мы и осознать, что случилось, не успели, как отделение резво загрузилось в грузовик, после чего уехало в неизвестном направлении.

В общем, в вагончике мы нашли мёртвого, с отверстиями в груди от ножа, Лукичева. Так у нас появилась первая могила у забора, и мы остались без охраны.

Не скажу, что это событие как-то чрезмерно на нас повлияло. Жили мы в ангаре, с военными общались крайне редко, да и то только после плановых сеансов радиосвязи с кем-то, кто имел позывной Ростов-один. Именно он передавал нам сводки о происходящем в мире и интересовался успехами в исследованиях. К своему стыду, после похорон мы испытали даже некоторое облегчение. Ну вот побаивались мы этих вооружённых людей, сами не знали почему.

Наши чтения вслух возобновились. Да, забыл сказать, помимо моих доберманов на территории лабораторного комплекса было ещё трое подопечных. Все из породистых собак (как мне рассказали коллеги, наша старая инициатива о добровольном сотрудничестве нашла отклик и в других институтах), однако не взрослые особи, а совсем крохотные щенки. Маламуты Барон и Весна да потешный лабрадор Бублик. Каждый вечер мы собирались с ними под уютной лампой в одной из комнат, и они слушали, слушали, слушали... Как дети рождественскую сказку, с горящими глазами...

Примерно через три недели после смерти офицера нам сообщили о карантине. Всё тот же Ростов-один как-то очень по-человечески, без стандартной казенщины устало рассказывал нам, что творится в городах и сёлах по всей стране. Про боевой штатм, от которого массово вымирают и люди, и животные; про то, что нам теперь необходимо тут сидеть и не отсвечивать до особых распоряжений, если выживем, конечно. Никто с начала не поверил в эти жуткие новости. Ну вот как так – взять и выпустить такую мерзость на свободу. Мы

же не ПТУшники, с нашим образованием прекрасно понимаем, о чём речь идет и какие будут последствия, без иллюзий. Даже повторное подтверждение запрашивали. Подтвердили...

Много было сломано копий в спорах о дальнейшем существовании нашей базы. И переругались неоднократно, и помирились. Однако работу мы не бросали, делали. И у нас получилось! Как ни удивительно, но первой удалось наладить мыслеобщение с тихоней – Ирмой. Не сразу, не быстро, через множество мелких неудач, но мы шли к цели.

Основными проблемами, которые нам пришлось преодолеть, были неумение собак долго концентрироваться на одной задаче, завязанной на рассудочной деятельности, и отсутствие языка общения как такового. Они мыслили образами, взятыми из собственного житейского опыта. Ну, чтобы тебе было понятно, поясню в картинках. Возьмем, к примеру – ручей. Животным не известно это слово, если их специально не обучить. Для них это вода в движении, как и река, и струйка из крана. Поэтому они просто не поймут тебя.

И наоборот. Некоторые мысlefразы были абсолютно не ясны для нас. К примеру – дерево, холм, дерево, дерево. Оказалось, что это маршрут обхода прилегающей к базе территории. Адольф взял за правило ежедневно, по несколько раз, патрулировать местность за забором. Его никто не останавливал, вольеры мы вообще не запирали.

Так вот, проблема с концентрацией решилась при помощи банального упорства как с нашей стороны, так и со стороны объектов изучения. Вторую проблему мы всё так же решали букварем, по принципу «от простого к сложному». В конце концов, нам удалось перенастроить мыслеречь с образов на слова, и мы вполне друг друга понимали. Были определённые проблемы с надеждами, окончаниями. Но у нас получилось! Понимаешь, получилось!!!

К тому времени, когда были получены и закреплены определенные результаты, наши достижения стали уже никому не нужны. Радиоэфир умер. Как ни вслушивались, просиживая по очереди у станции дни и ночи напролет, никого. Наш куратор-информатор, Ростов-один, замолчал примерно через месяц после начала карантина. Надеюсь, что он в лучшем мире, хоть в рай с адом и не верю. Потом ещё пару раз ловили неясные нам переговоры с использованием явно кодовых слов, и больше ничего, один треск помех. Страшно стало. Пока была цель, мы старались не думать о своей отрезанности от внешнего мира, забивали голову работой. А теперь всё. Результат есть, и хотя ещё тему развивать и развивать, но это уже частности. Основной прорыв сделан, вот только докладывать некому.

Любое дело стало валиться из рук, каждую секунду мозг подленько подкидывал мысли о ядерной войне, о забитых трупами городах, рисовал картины одну омерзительнее другой. Началась повальная депрессия, склоки на ровном месте.

И опять нам помог своей мудростью Николай Николаевич. Именно по его настоянию мы ввели ограничение на общение между собой и решили перенести на бумагу все наши знания. Да-да, именно так. Каждый записывал любую информацию, которую считал нужной аж со времен босоногого детства. Тщательно, без суеты систематизировал, делал пояснения и дополнял по мере надобности.

Этому занятию посвящалось всё свободное время от основной деятельности. Научную работу с нас никто не снимал, да мы и сами не бросили бы.

Вслед за Ирмой и не без ее помощи заговорили остальные питомцы. Теперь каждый вечер я чувствовал себя воспитателем в детском саду. Любое непонятное слово из книг тщательно разбиралось и запоминалось. Днём же неугомонные маламуты и лабрадор таскались за нами как хвостики и всячески путались под ногами, требуя внимания.

В таком спокойном русле мы прожили год.

А потом начались несчастья. Сначала умер от инфаркта Бевз, потом воспаление лёгких доконало Яремчука. Сгорел, бедолага, как спичка. И вместе с ними словно пропал тот самый цементирующий клей, что держал нас в единстве. Как-то наше существование перешло в параллельные плоскости. Мы с Андреем виделись каждый день, холодно кивали голо-

вами в знак приветствия, однако в остальном избегали друг друга. Определенно, с ним что-то происходило, но я не знал, что. Прекратились и наши вечерние посиделки.

Собаки тоже понемногу разделились. Адольф и Ирма теперь жили со мной, в вагончике, а остальным больше по душе пришелся Кремень. Такие вот странные группы по интересам вышли...

Через три месяца после смерти Виктора я утром не обнаружил Бублика, Барона и Весну на их обычных местах. Андрея тоже не было видно. Не мало удивившись, я прошел в его спаль- ный закуток и обнаружил висящее в петле тело. На столе лежала записка:

Свобода нужна всем... И смерть – это тоже свобода.

Текст мне показался странным, даже безумным. Ситуация немного прояснилась, когда пришел Адольф и сообщил, что выбравшие Кременя собаки ушли. Видно, он перед смертью открыл им калитку и выпустил. Куда отправились его подопечные, я не знал, но не особо переживал за них. Отреши́нно всё происходило тогда, словно со стороны на себя смотрел. Знал, что это уже были не щенки, а взрослые животные, вполне способные постоять за себя. Ушли и ушли, что поделаешь.

В тот день я впервые за много лет плакал. Не от страха одиночества или боли, а от смешанного чувства счастья и благодарности к моим доберманам. Наверняка ведь знали, что происходит, однако выбрали меня, не бросили.

Похоронив Андрея, я задумался – а что дальше? Что мне делать? Вряд ли кто-то за мной придет, наверняка просто некому. Именно тогда доставшаяся мне жизнь показалась странной обузой, безысходным путём в ничто. Но, рассудив, я сделал свой выбор – жить. Сколько смогу, ради них, моих четвероногих спутников.

Чтобы не сойти с ума от тоски я решил прочесть все записи моих коллег, которые мы когда-то сделали. И обнаружил удивительное! Николай Николаевич, хитрый жук, был не так прост и далеко не всё рассказал нам о себе и своей деятельности на благо оборонки. В одной из его рукописей я обнаружил интересные выкладки о воспроизводстве популяций. Основываясь на каких-то своих, более ранних исследованиях, он пришёл к выводу, что темпы размноже- ния выживших млекопитающих с получением разума и под воздействием ещё целого ряда при- чин существенно замедлятся из-за изменений в их генетическом коде. Не спрашивай подроб- ности, потом сам увидишь и изучишь, если будет интересно. Суть такая – основательно прореженная вирусом популяция животных будет восстанавливаться крайне медленно, но всё же будет. И самое время человечеству нанести последний удар. Контрольный, так сказать. В противном случае лет, через пятнадцать, тем из людей, кто умудрился выжить, придется очень несладко...

В этом месте из тетради было вырвано несколько листов. Далее текст был написан тем же, однако уже более рваным почерком.

... Умер Адольф, умерла Ирма... Кроме этого за прошедшие семь лет с момента смерти моего последнего коллеги особо ничего не произошло. На нас никто не нападал, никто не пришел, эфир был по-прежнему мертв. Я понемногу охотился на птицу, чтобы сэкономить запасы еды и просто для разнообразия. Ел, пил, спал...

Единственная радость – у моих подопечных два с половиной года назад наконец-то роди- лась дочка. Всего одна, против всех ожиданий. До сих пор вспоминаю счастье в глазах семей- ства доберманов и ту нежность, с которой Адольф окружил их заботой. Надъишаться не мог. Ведь и он, и Ирма к моменту появления на свет первенцы были уже откровенно в воз- расте. Ума не приложу, как у них получилось! Прав был Бевз со своими выводами, ох как прав!

Дочку мать назвала почему-то Зюзей, а Адольф, старый консерватор, настоял на купи- ровании хвостика и подрезке ушей впоследствии. Как он объяснил своё решение: «Она добер- ман!», – старый хрен. Представляешь, я смог выполнить его просьбу! По книжке для кино-

логов, ещё той, солдатиками до кучи из библиотеки привезенной. И получилось! До сих пор собой за это горжусь.

Зюзя уже умела общаться со мной с детства. Она весёлая, добрая, даже немного наивная. Постоянно играть зовёт, а я не могу. Здоровья совершенно нет. У меня рак. Пока от боли спасает морфий из запасов НЗ, но это ненадолго. Вот поэтому я и пишу свою исповедь. Хочется верить, что её кто-то прочтёт и хоть немного оценит наши усилия.

Я стал забываться. Сам этого не замечаю, мне очень сложно отличать где сон, где явь; на морфий я уже плотно сию. Но от Зюзи знаю, что в забытии общаюсь со своим детским другом Вовкой. Двадцать лет о нем не вспоминал, а вот поди ж ты, вынесли его глубины подсознания... Она почему-то думает, что я его жду. Что он придёт и всё станет хорошо для меня. Даже стала периодически бегать по окрестностям, надеясь отыскать...

Далее страница была вся исчеркана, ничего не разобрать.

...Всё. Я принял решение. Не вижу смысла мучиться дальше, жить у этой проклятой боли в плену. Прав был Кремов: «И смерть – это тоже свобода». Как точны в моём случае эти слова! Пора, пора уходить ТУДА. Есть у меня пара таблеток. Выплю – и просто усну. Однако перед этим осмелюсь оставить, в надежде неизвестно на что, тебе инструкции:

– В ангаре, на нижнем ярусе есть сейф. Ключ справа прикопан в землю, быстро найдёшь. В сейфе все наши записи и журналы. Если сможешь сделать так, что они попадут в нужные и понимающие руки – совершишь доброе дело. Большие, к сожалению, мертвецу тебя мотивировать нечем;

– В том же ярусе ты найдёшь продукты, некоторые медикаменты долгого хранения, спирт. А вот ключ от него лежит у меня в вагончике, под ножкой моей кровати – это тебе такой бонус за то, что осилил весь этот графоманский бред))));

– Не бросай Зюзя. Это я её попросил привести кого-нибудь сюда. И если ты это читаешь – значит она сумела не замёрзнуть этой зимой и выполнила мою просьбу. Она не хотела тебе зла. И она вся моя семья. Прощай.

Глава четвёртая

Закончив чтение, я всерьёз призадумался – ну и что теперь? Что со всем этим знанием мне делать? Да, увлекательно в тетрадке написано, продукты, опять же... Ну а в общем? Вот зачем мне доберман? Да меня же, только завидев с ним, любой караван или охрана форта без всяких вопросов шлёпнет. А с другой стороны – польза может быть не малая, если к этому соображалку приложить. Кто ещё может таким, такой... я и сам пока не знаю, что это – тварь или ... или ещё что.

Так ничего и не надумав, я вынес из прорабки две банки тушёнки с пачкой галет, миску и бутылку со спиртом. Смешал в кружке немного медицинского с водой и поморщился – питье на вкус гадость та ещё, по опыту знал, однако мне это было сейчас нужно. Затем открыл обе банки и честно высыпал в миску половину.

– Эй, ушастая! – два чёрных глаза внимательно смотрели на меня, – иди кушать.

Она подбежала и с жадностью принялась глотать, практически не пережёвывая, куски жирного, волокнистого мяса. Все её тело участвовало в этом процессе – уши нервно подёргивались, пупочка хвоста виляла с такой скоростью, словно собиралась стать пропеллером, а туловище сотрясала мелкая дрожь. Пока всматривался, миска опустела и снова я увидел тот самый умоляющий взгляд. На этот раз выдержать не удалось, размяк.

– Да чёрт с тобой, ешь! – в сердцах вскричал я. – Только если брюхо от жирного скрутит, тогда не жалуйся.

Вывалил ей свою половину банки. Не жалко, в любом случае всё найденное под кроватью не унести с собой. А ведь ещё и склад есть. Сам пока хоть и не видел, но в это верил, не стал бы покойный врать. Так что побарствую на чужих харчах.

Я залпом выпил из кружки всю спиртосодержащую жижу, вздрогнул, подавил премерзкую отрыжку и выдохнул. Ух! Отвык я пить. В деревне самогон хоть и был, однако не моя это тема. Я и до прилёта инопланетяшек больше пиво да вино уважал, водка не нравилась. Нет, выпивал конечно по молодости с друзьями и по праздникам, однако большого удовольствия ни разу не получил. Заканчивалось всё всегда неприятным пьяным мычанием, дичайшим похмельем и рвотой. Потому норму свою знаю – до ста грамм, чтобы без последствий, потом могу и в разнос пойти.

Выпитое осадил тушёнкой, вкусно похрустел галетой и решил пообщаться с тварью. Ну не век же от разговора с ней отмораживаться. Мне тут ещё несколько дней торчать, глядишь, что-нибудь полезное узнаю.

– Так значит, тебя зовут Зюзя, – начал я светскую в кавычках беседу. – И ты здешняя от рождения. Расскажи мне про это место. Про Диму, про то, что вокруг творится, и куда ты дела моё оружие. Последнее мне особенно интересно.

Она задумалась, ну или сделала вид, улеглась на землю неподалёку от меня и в голове раздалось:

– Оружие лежит в яме. Рядом куст, где лежат я и ты лежат на дороге. Ты читать книга. Иди. Я сделать, что говорить Дима.

Не скажу, что новость о моей свободе совсем уж неожиданной, но всё равно удивление было сильным. Я ожидал чего-то попроще, ну на пример плен или что-то в этом духе. Давно стало понятно, что ей нужен человек и что без нужды она не агрессивна, вспомнить хотя бы мои попытки вооружиться палками по дороге сюда. Вот только куда я пойду с такой ногой, да ещё на ночь глядя? Нет, лучше пока останусь. До утра, а там видно будет.

– Ты не ответила, что тут вокруг творится. Много ли тут таких, как ты? Ну не именно точно таких, а похожих? У них тоже четыре лапы, они говорят между собой и охотятся на

людей? – этот вопрос был очень тонкий, поэтому я старался тщательно выбирать слова. Кто знает, может у неё среди местных тварей друзья имеются?

– *Нет. Были давно два дом волки. Мёртвые. Заяц есть, много, птица много – никто не умный. Адольф говорить мне, когда здесь приехать, запах чужих были, потом нет.*

– А что такое «Дом волки?» – поинтересовался я и в голове немедленно возник образ полуосыпавшейся, поросшей травой дыры в пригорке. Понятно, нора по-нашему. И за одно окончательно прояснилось, что такое этот непонятный мыслеобраз.

– Каким был Дима? Я прочел его записи и понял, что вы неплохо ладили между собой. Он за тебя очень переживал.

Ответа не последовало. Я уже успел доесть остатки своей порции, выпить воды и собрался было идти в вагончик, когда прозвучало:

– *Он был всё...*

А затем на меня обрушился водопад этих самых мыслеобразов, да все от первого лица. Перед глазами, заглушая мои чувства, мелькали чужие воспоминания:

... Вот худой и уже немолодой мужчина, радостно смеясь, поднимает вверх на вытянутых руках щенка. Щенку сначала страшно, но потом он видит за человеком своих мать и отца. Они совершенно спокойны и ласково смотрят на него. И тогда его тоже захлёстывает безудержное веселье и звонкий визг детского счастья...

... Палка летит быстро, но не высоко. В этот раз точно поймаю! Догоню и поймаю в воздухе! Дима умеет быстро кидать, а я умею быстро ловить! Принесу и поиграем в тягалки. В этот раз я ни за что не выпущу палку из зубов, он первый её отпустит...

... Вечер, при свете свечи видны худые руки с книгой. Больше половины слов не понятны, однако сам голос, негромкий и такой мягкий, завораживает. Он для меня читает странную историю «Остров сокровищ» – у всех там по два имени, как будто одного мало, и все постоянно куда-то спешат. Зато теперь я знаю, что сокровища – это самое лучшее из того, что имеешь и что нравится...

... В грязной постели лежит человек. Мне жалко его, хочется помочь. Он болеет. При виде меня человек улыбается, но я знаю, что ему очень плохо. Нужны люди-врачи, как в книжках, они спасут, всегда спасают. Но я их не нашла...

... Дверь к Диме закрыта. Знаю, он мёртв. Запах смерти мне уже знаком. И накатывает жуткая боль. Она идёт изнутри и вырывается в вой...

... Я помню, я не забуду! Всё сделаю, как сказал он! Найду Вову или другого человека и приведу. Не знаю зачем это надо, но я это сделаю...

... Холодно... Холодно... Снег... Одиночество...

... Станный запах. Большой серый дом. Аккуратно, аккуратно... Человек стоит спиной ко мне, на что-то смотрит. Нашла!

Я очнулся на земле, лёжа в позе эмбриона и зажав свою голову в ладонях. Ну ничего себе ощущения! Караваев об этом не писал и даже не упоминал. Как будто сам всё пережил, всё так ярко, сочно, по-настоящему. И да, теперь я Зюзе верю. О таком не соврёшь.

Покряхтел, встал и вернулся обратно на свою излюбленную ступеньку. Скоро уже совсем темно станет.

– А теперь ты, если хочешь, задавай вопросы. Не одному мне тебя допрашивать.

Я постарался вложить в голос всё дружелюбие, какое мне было отмеряно природой-матушкой. Понятное дело, что после сеанса воспоминаний тварь не стала мне другом, однако враждебность с моей стороны свелась практически к нулю. И казалось, что так будет честно и правильно.

Вопрос был неожиданным:

– *Ты уметь читать?*

– Конечно. Все люди умеют читать, только не все этим умением пользуются. Мне надо что-то прочесть?

Она молнией бросилась в прорабку, пошебуршала немного и так же быстро вернулась назад. В собачьей пасти было что-то прямоугольное и светлое.

– *Сокровище.*

Мне в руки бережно ткнулась её ноша. Это оказалась книжка. Детская, с картинками, «Жили-были ёжики» Усачёва.

... До того момента, когда моя нога стала более или менее пригодной к продолжению путешествия в родные края, прошло четыре дня. За это время я полностью изучил всю территорию лабораторного комплекса, побывал на подземном ярусе, покопался в содержимом того самого сейфа. Он по самое некуда был забит рукописями и малопонятной научной документацией. Приятели покойного проделали действительно титанический труд, перенесли на бумагу все свои знания. Первые страницы выглядели трогательно мило – «два плюс два равно четыре» и «мама мыла раму», но потом становилось всё сложнее и сложнее, а заканчивалось вообще зубодробительными формулами и сложносочинёнными терминами. Просмотрел по диагонали я и лабораторные журналы, и непонятную мне научную работу, причем без указания авторства. Наверное, вместе писали. Понадувал щеки от ощущения важности и объема всего написанного, похлопал глазами. Жаль, что ничего понять не смог, сегодня всех моих знаний хватило бы лишь человечка на полях нарисовать. Нет, я не тупой, просто забылось почти всё, вдолбанное в школе, из-за не востребоваемости.

Насмотревшись, я аккуратно сложил бумаги обратно в сейф, закрыл дверцу и ключ положил на прежнее место. Прав был Дима – это не должно пропасть втуне. Обязательно пристрою знания из сейфа в хорошие руки, вот только когда это будет?

Нашёл и запасец патронов, и продовольствие, весьма обалдев от его количества. Мой внутренний хомяк плакал кровавыми слезами и всерьёз размышлял о суициде при одной мысли, что почти всё это придется бросить тут. Не сразу, кое как с ним договорился, пообещав никому и никогда не рассказывать про этот схрон. Пусть будет мой личный золотой запас. Ну а что, я ведь прав по всем пунктам. Кому придёт в голову болтать о таком счастье, да и зачем? В лучшем случае обзовут лгуном и физиономию расквасят, в худшем – заставят показать, а потом на ленточки порежут, чтобы больше лишнего языком не молол. Как ни крути, везде клин, а молчание – наше всё. Поэтому дверь в хранилище была заперта, завалена от души мусором, ключ же припрятан в надёжном месте. Даже если случайно кто и найдёт – не вдруг откроет. Попотеть придётся знатно.

Крест я, как и обещал, поставил на следующий день. Может и не самый красивый, но уж добротный точно. На поперечине ножом выцарапал фамилию и инициалы усопшего да в изголовье посадил небольшой кустик весьма приятных глазу цветов, что выкопал неподалёку. Не знаю, может какие погребальные обычаи я и нарушил, но сделал это зато от чистого сердца.

Так же обнаружили в стороне ещё две могилы. Как я и думал, в них лежали Адольф и Ирма. Крестов не было, лишь камни обозначали последнее пристанище оставшихся верными до конца доbermanов. Там я тоже посадил по кусту. Зюзя не возражала, специально уточнил. Наоборот, с каждым днем она всё меньше дичилась меня и всё больше была где-то рядом.

По вечерам мы читали, причем по несколько часов. Ближе к закату она без каких-либо намёков с моей стороны приносила очередную книжку и молча укладывалась возле рядом, ожидая новую историю про волшебство или приключения. Я честно читал, сколько мог. Причём даже старался голосом выделять диалоги, как в радиоспектаклях из моего детства.

Литературы в ангаре было полно. Видимо, тогда солдатики вывезли вообще всё, до чего смогли дотянуться в деревне. На некоторых экземплярах были штампы с аббревиатурой «ДК им. ЛКом», другие обходились без них. Подавляющее большинство книг, вдобавок, были напечатаны ещё в незабвенном СССР, исключение составляли лишь так любимые доbermanом

сказки. Большие, на толстой бумаге с яркими иллюстрациями, они сохранились весьма прилично. Было видно, что во время чтения ей нравится рассматривать картинки, поэтому я нарочно растягивал паузы между предложениями, чтобы она насладилась яркими изображениями ёжиков, лисичек и прочих героев.

Но всё же, не смотря на всю эту идиллию, некий червячок сомнений меня грыз. Зюзя меня ни о чём не спрашивала. На мои вопросы отвечала без проблем, но сама в разговор не вступала. Я никак не мог понять – почему?

Загадка непонятного поведения местной обитательницы разрешилась просто. В день, когда я решил покинуть это место, она ко мне не подошла. Просто лежала в тени и безучастно смотрела на мои сборы. Да какие там сборы, одни громкие слова. Так, затолкал в заплечный мешок несколько банок тушёнки, спирт, галеты, пачку патронов и новые портянки вырезал из тряпки почище. Больше мне было ничего не нужно. Подошел к ней проститься и... не нашёл правильных слов для расставания. Так и стоял молча, мучаясь от собственного смятения.

– *Иди. Я не мешать.*

Всё так же бессловесно я развернулся и потопал к калитке. Тяжко давались шаги, словно виновен перед тварью в чём-то. Да кому я вру! Не хочу её тут бросать, не хочу и всё! Эээх! Будь что будет, сем бед – один ответ!

– Чего разлеглась? – зычно рявкнул я, – Мне тебя долго ждать?! Я уже вон, собрался давно. Идти пора, или ты до ночи копаться будешь?

... Оказалось, что слова про собачьи сборы – это не шутка. Зюзя из неведомых мне закоулков принесла два старых ошейника, брезентовый поводок, намордник. Ну и про книгу ёжиков с миской не забыла. На все мои убеждения, что эта сбруя в наши дни не актуальна, она отвечала удивительным упрямством и требовала однозначно взять с собой. Думаю, дело здесь заключалось не в собачьей прихоти. Просто это было всё её имущество. Всё, что связывало её с прошлым. Сокровища, одним словом.

Я уступил Зюзиным требованиям. В конце концов вес не большой и это не принципиальный момент в нашем общении. Упаковав собачьи ценности, обошёл ещё раз территорию базы. Убедился, что все двери заперты и ничего не упущено, и только тогда двинул к выходу. У самой калитки она меня неожиданно спросила:

– *Как ты имя?*

И вот тут я понял. Она не заговаривала со мной потому, что боялась сблизиться. Боялась снова остаться одна, боялась новой холодной зимы, боялась больше вечером не услышать очередной занятный рассказ про так любимых ею сказочных персонажей.

Не надо бояться, все будет хорошо. Я улыбнулся, присел, взглянул в антрацитово-чёрные глаза, и ответил:

– Меня Виктор зовут, ну или Витя – как тебе удобней. Так что будем знакомы.

... Я нашёл своё оружие в целости и сохранности, сложенное в придорожной канаве, под кустом, как Зюзя и говорила. Порадовался, что дождя не было – было бы весело приводить его в порядок после грязевой ванны. Нож по привычке сунул за голенище сапога, ружье забросил на плечо, а арбалет прицепил на грудь. Вот зачем я этот стреломёт долбанный, как ослик поклажу, таскаю? Сам себе ответить не могу. Нашел его в двух деревнях назад, когда обшаривал дом с виду побогаче. Он висел на стене, весь такой матовый, красивый, опасный. Сам к рукам прилип. А толку-то? Носить на себе в моём случае не удобно – ни упасть, ни наклониться. В комплекте всего два болта, на ложе в специальных креплениях зафиксированы, больше ничего нет. Все комнаты с сараями тогда с энтузиазмом обшарил – пусто. Наверное, бывшему хозяину эту приспособу на юбилей подарили, согласно принципу «подарок должен быть дорогой и ненужный». Потому на стенке он и висел в качестве украшения. Попробовал стрелять – мажу безбожно. В общем, не моё это оружие. Продам или сменяю непременно, при первой возможности.

Убедившись, что ничего не забыл, я махнул своей попутчице:

– Ну что, пошли? Ночлег сам к нам не придет.

Она взглянула мне в глаза, слегка кивнула головой и лёгкой походкой скрылась в кустах.

Тут, наверное, надо объясниться. Пока мы шли от базы сюда, Зюзя буквально забросала меня вопросами. Ей было интересно всё. И кто я, и откуда, и куда, и зачем, и почему. Я честно отвечал, как мог и попутно ставил некоторые эксперименты, чтобы понять и её и свои возможности.

Самым первым удалось выяснить, что общаться мыслеречью мы можем только в зоне прямой видимости, причем ей всё равно, с какой стороны от меня находиться – что спереди, что сзади. Расстояние при этом особой роли также не играет и на качество слышимости не влияет. Главное, ей надо меня видеть. Если визуальный контакт отсутствует, то остаётся стандартный способ поговорить – я ору, она в ответ лает.

Второе открытие стало откровенно странным. Оказалось, что эта собака не умела охотиться. Вообще. При всех её возможностях в виде бешеной скорости, отличнейшего обоняния и совсем не животной соображалки, Зюзя могла добыть себе пропитание в одном случае из двадцати. Потому и такая худая была. Я чуть не заплакал, когда у неё прямо из-под лап выпорхнули два здоровенных, жирных фазана. А у меня и ружья нет! Не сдержавшись, высказал ей в сердцах всё, что думаю, и сразу же пожалел об этом. Ушастой было стыдно за такое неумение и без моей брани, а тут ещё я масла в огонь подлил. Из её оправданий и несвязный слов удалось понять только то, что добычу ей найти весьма легко, а вот подкрадываться она не умеет. Если бы не последние мешки с сухим кормом, что удалось сберечь для неё Дмитрием, зимой бы точно околела. Успокоившись и обдумав эту информацию, я повеселел. Умеет найти дичь – и хорошо, а застрелить – это дело техники. Патроны с дробью не зря же ношу с собой. По любому полегче мясо добывать станет, а то как вспомню, что перед встречей с ней почти две недели один пустой рис лопал. Бррр... Обо всём этом я сообщил своей спутнице и получил горячее одобрение идеи совместной охоты, подкреплённое мыслеобразом о нескольких вкусных заячьих тушках.

Третьим, и самым грустным, стало осознание того, что мысленно общаться мне не суждено. Сколько не пыжился, не морщил лоб и не пытался максимально сконцентрироваться взглядом на голове трюхающей немного впереди Зюзи – ничего, кроме головокружения и мигрени, не получилось. Об этом я говорить ей, конечно, не стал, но, думаю, она и сама догадалась.

Также мы выработали правила нашего передвижения с учётом собачьих возможностей. Теперь я более – менее спокойно мог идти по дороге с ружьём наперевес, а доберман нарезала вокруг не совсем ясные для меня по своей структуре петли и восьмёрки в радиусе до полукилометра. В случае обнаружения опасности она должна будет возвратиться ко мне и предупредить. Сказать, что я был рад этому – значит не сказать ничего. До этого ведь как приходилось перемещаться по просторам бывшей необъятной и самой лучшей? Каждый день мною тщательно обдумывался и просчитывался маршрут от сегодняшнего ненаселённого пункта до следующего. Если расстояние между ними, согласно моего любимого Атласа автомобильных дорог, превышало пятнадцать километров, то риски нажать проблемы на свою голову сильно возрастали.

Это раньше для тренированного человека такой вояж был сродни лёгкой прогулке часика на три или четыре, свежим воздухом подышать и развеяться. В наши дни этот путь ещё надо суметь пройти, даже если топтать с комфортом по остаткам федеральных автомагистралей; про просёлки и бездорожье вообще молчу. Неприятности в виде засад разного отребья никто не отменял, да и то, что тварей я не видел, не значит, что их нет. Вот так и идёшь, медленно и печально. Сделаешь шажок – и вслушиваешься... Потом ещё шажок – и опять постоишь, позвериному, всей кожей пытаешься ощутить, что там, впереди?

Я рисковать очень не люблю, а потому шёл всегда до первого придорожного строения – кафе, заправки, дома, будки газораспределительной станции или ещё какого здания. Иногда за день проходил по километру всего, но чаще как раз выходило от десяти до двенадцати – именно с такой частотой почему-то стоят всевозможные постройки вдоль второстепенных дорог. Кружил сильно, конечно, но на крупных шоссе редко где такая густота укрытий наблюдается. За весь мой путь всего два раза пришлось под открытым небом заночевать – ох, страху тогда натерпелся, не передать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.